

INSPIRIA

ДЖЕННИФЕР
РОБСОН

ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ

РОМАН
О КОРОЛЕВСКОЙ
СВАДЬБЕ
И НЕ ТОЛЬКО



INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Дженнифер Робсон

Платье королевы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Робсон Д.

Платье королевы / Д. Робсон — «Эксмо», 2019 — (Novel.
Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-120729-8

Увлекательный исторический роман об одном из самых известных свадебных платьев двадцатого века – платье королевы Елизаветы – и о талантливых женщинах, что воплотили ее прекрасную мечту в реальность. Лондон, 1947 год. Вторая Мировая война закончилась, мир пытается оправиться от трагедии. В Англии объявляют о блестящем событии – принцесса Елизавета станет супругой принца Филиппа. Талантливые вышивальщицы знаменитого ателье Нормана Хартнелла получают заказ на уникальный наряд, который войдет в историю, как самое известное свадебное платье века. Торонто, наши дни. Хизер Маккензи находит среди вещей покойной бабушки изысканную вышивку, которая напоминает ей о цветах на легендарном подвенечном платье королевы Елизаветы II. Увлеченная этой загадкой, она погружается в уникальную историю о талантливых женщинах прошлого века и их завораживающих судьбах. Лучший исторический роман года по версии USA Today и Real Simple. «Замечательный роман, особенно для поклонников сериалов в духе «Корона». Книга – интимная драма, которая, несомненно, вызовет интерес». – The Washington Post «Лучший исторический роман года». – A Real Simple

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-120729-8

© Робсон Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

– 1 –	10
– 2 –	16
– 3 –	22
– 4 –	26
– 5 –	32
– 6 –	39
– 7 –	42
– 8 –	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дженнифер Робсон

Платье королевы

© 2019 by Jennifer Robson

© Keystone/Getty images

© Тора С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021





ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ

ДЖЕННИФЕР РОБСОН



INSPIRIA

Москва
2021

*В память
о Реджине Антонии Марии Кресси*

*(1933–2017),
иммигрантке, швее
и любимой бабушке*

Спокойно спи, смотреть остерегайся
Назад; лети вперед, мечта, без промедленья
(В пустыне за тобой – столп соляной –
Безмолвный памятник сомненьям).
Спи, прошлое; грядущее, очнись
И уходи – тебе открыта дверь,
А вы, трусливые сомненья, спите дальше,
В вас нет нужды, о, только не теперь.
Набат бомбежки заменяет новогодний звон,
И до благих намерений – убитым дела нет:
Намеренья и блага оставьте для живых,
А мертвые – мертвы в тридцать восьмом.
Усни под плеск воды,
Наутро Завтра-реку перейдем, не побоясь глубин;
Не Стикс, не Лета перед нами,
Сегодня спим
У Рубикона – жребий брошен тут;
Настанет час платить по всем счетам,
Однажды солнце засияет снова,
И чаши в равновесие придут.

Луис Макнис «Осенний дневник», часть XXIV

– 1 –

Энн

Англия, графство Эссекс, г. Баркинз

31 января 1947 г.

Без четверти шесть Энн шагнула из мастерской в сумерки, а когда она добралась до дома, уже совсем стемнело. Обычно прогулка от станции ей нравилась – идти недалеко, зато можно проветрить голову после рабочего дня. Однако сегодня дорога домой не доставляла удовольствия: Энн дрожала от холода, пробиравшегося под пальто, а подошвы ботинок износились настолько, что с тем же успехом можно было идти босиком.

Завтра суббота. Энн отстоит очередь в мясную лавку, а потом, если останется время, заглянет к сапожнику. Он уже дважды чинил эти ботинки – на новую обувь у нее не хватало купонов. Если повезет, на следующей встрече «Женского института» удастся выменять не слишком поношенную пару.

Она свернула на Морли-роуд; лишь через несколько дней лунный свет будет освещать дорогу домой, а сейчас только память вела Энн сквозь ночь. Пара шагов – и она у двери. Отодвинув занавеску, которая защищала от зимних сквозняков, Энн щелкнула выключателем на стене и вздохнула с облегчением, когда прихожую залил теплый свет лампы. Накануне электричества не было с восьми часов вечера и до самого утра.

– Милли, это я! – окликнула она невестку.

В холодной гостиной стояла темнота, но из кухни доносились аппетитные запахи.

– Ты поздно!

– Поезда теперь ходят реже – видимо, ради экономии топлива. А вот пассажиров меньше не стало. Я целую вечность ждала на станции, пока смогла втиснуться в вагон.

– Ты слышала, завтра опять ожидается снег? Представь, что будет с поездами.

– Ох, не хочу даже думать!.. По крайней мере, пока не оттаю.

Энн повесила пальто и шляпку на шаткую вешалку за дверь и сняла ботинки.

– Ты не видела мои домашние туфли?

– Я забрала их сюда, чтобы согрелись.

Энн выключила свет и, подхватив сумку, прошла через гостиную в кухню. Милли стояла у плиты, приглядывая за маленькой кастрюлькой.

– Вчерашний картофель и овощи с последним кусочком окорока. – Молли с улыбкой мельком взглянула на Энн, затем наклонилась и открыла дверцу духовки. – Вот, держи. – Она протянула Энн домашние туфли. – Прекрасно прогрелись, и заметь, я их не сожгла.

– Ты прелесть. О-о, как замечательно!

– Так я и думала. Что принесла?

Энн над раковиной осторожно освобождала из газетного свертка небольшой глиняный горшок. Стряхнув прилипшую к нему землю, Энн приподняла горшок и показала Милли зеленые росточки.

– Это вереск. От королевы.

– Королева подарила вереск? Тебе?

– Не мне одной. Нам всем. Тем, кто работал над последним комплектом платьев. Они с принцессами берут эти наряды в Южную Африку. Было так много вышивки бисером! Одно платье – его королева наденет на двадцать первый день рождения принцессы Елизаветы – расшито блестками почти полностью. Поэтому в знак благодарности нам прислали вереск из Шотландии.

– Не так уж велика эта благодарность. – Милли наморщила нос.

– Разве ты не видела, как вереск цветет? Красота невероятная! А это, между прочим, белый вереск. Одна из девушек сказала, он приносит удачу.

Милли вернулась к плите и продолжила помешивать еду.

– Думаю, все готово. Я разложу ужин по тарелкам, а ты можешь накрыть на стол.

– Хорошо, а еще я включу приемник. Послушаем семичасовые новости по радио «Лайт».

Отбытие королевской семьи в Южную Африку наверняка станет главным событием дня. Монархи, как известно, не из тех, кто просто прыгает в кэб с парой чемоданов. Если верить газетам, поездка должна начаться с процессии экипажей от Букингемского дворца до вокзала Ватерлоо, где король, королева и принцессы в сопровождении десятков слуг и помощников официально попрощаются с множеством сановников перед посадкой в поезд до Портсмута. А платья, костюмы и вечерние туалеты, которые помогала шить Энн, станут частью исторического путешествия.

Она работала на мистера Хартнелла уже одиннадцать лет. Пора бы привыкнуть к тому, что королева носит наряды, созданные руками Энн. Ее родных и друзей этим уже давно не удивить. Милли так и вовсе скептически смотрела на Энн, когда та приходила домой с горящими от возбуждения глазами.

А вот Энн решительно ничего не могла с собой поделать. Она до сих пор не уставала изумляться. Ничем не примечательная девушка из Баркинга, она должна была, как многие другие, несколько лет трудиться на фабрике или в магазине, а потом выйти замуж и посвятить себя супругу и детям. Но по прихоти судьбы Энн устроилась в мастерскую самого известного в Британии модельера, стала одной из лучших его вышивальщиц и работала над платьями, которыми восхищались и о которых грезил миллионы женщин.

Впрочем, все могло сложиться иначе. Когда четырнадцатилетняя Энн окончила школу, у нее не было денег на курсы секретарей или стенографисток. Поэтому она отправилась на биржу труда, где женщина с землистым лицом показала ей список вакансий. Одни названия наводили ужас. Помощник оператора швейного станка, подмастерье токаря, чистильщик паровозных двигателей. Энн в отчаянии перевернула страницу и прочитала:

«Ученица вышивальщицы, центральный Лондон, всему научим».

– Вот, – застенчиво сказала она, указывая на надпись. – «Ученица вышивальщицы». Что это за работа?

– Я знаю не больше твоего. Дай-ка посмотрю регистрационный номер... Верно, вакансия у Хартнелла, который шьет наряды для королевы.

– Для королевы?!

– Да, – отрезала женщина. – Тебе нужна работа или нет?

– Нужна! Только... я не очень ловко шью.

– Ты что, читать разучилась? Тут сказано: всему научат. – Она записала адрес на листе бумаги и сунула его Энн через стол. – Я позвоню и предупрежу, что ты придешь. Тебя будут ждать завтра к половине девятого. Не опаздывай. И вымой руки.

По дороге домой Энн едва не пританцовывала, так ей не терпелось поделиться важной новостью – Лондон! Королева! – Но ее мать только тяжело вздохнула.

– Вышивальщица, говоришь? Ты хотя бы нитку в иголку-то вдеть сможешь? Тебя выставят за порог после первого же стежка! Попомни мои слова, девочка.

– Меня будут ждать! На бирже труда не предложат другую работу, если я завтра не появлюсь в мастерской. Пожалуйста, мама! Иначе у меня будут неприятности.

– Поступай как знаешь. Но только туда и обратно, слышишь? Не вздумай шататься по Лондону, когда дома столько дел.

Энн уехала на рассвете – билет на ранний поезд стоил на шесть пенсов дешевле – и сидела на скамейке в парке Беркли, пока часы на Биг-Бене не пробили четверть девятого. Тогда она прошла по тихому переулку Мейфэра, остановилась перед нужной дверью и дрожащей рукой дернула за шнурок колокольчика.

Ей открыла девочка, на вид не старше Энн.

– Доброе утро.

– Доброе утро. Я по поводу работы. Ученица вышивальщицы.

Девочка с улыбкой кивнула и сказала, что Энн пришла по адресу, а затем повела ее наверх, чтобы встретиться с начальницей вышивальных мастерских.

Мисс Дьюли оглядела Энн с ног до головы и спросила, есть ли у нее опыт вышивания, на что та робко и честно ответила – нет. Мисс Дьюли такой ответ почему-то понравился, она удовлетворенно кивнула и сообщила Энн, что возьмет ее на работу, что платить ей будут семь шиллингов и шесть пенсов в неделю, а приступить нужно в следующий понедельник.

– Семь и шесть? – Ее мать усмехнулась, хотя столько не зарабатывала ни одна из школьных подруг Энн, устроившихся помощницами в магазины или стенографистками. – Весь заработок уйдет на дорогу.

В следующий понедельник Энн начала работать у Хартнелла и первые несколько месяцев жила как в тумане. Позже она поняла: мисс Дьюли выбрала ее именно потому, что Энн ничего не знала о вышивке, а значит, ее не пришлось переучивать. У Хартнелла всякую работу было принято делать на совесть, приемлемым качеством считалось только совершенство, и никак иначе.

От бдительного ока мисс Дьюли не мог укрыться ни один изъян: если одна-единственная бусинка была пришита не той стороной, если на вышивке гладью топорщился один стежок, или даже если одна блестка оказывалась тусклее соседок – мисс Дьюли все замечала. А заметив, она приподнимала левую бровь, и на губах появлялась знакомая заговорщицкая улыбка. Мисс Дьюли словно давала понять: я тоже когда-то начинала подмастерьем и совершала такие же ошибки.

Впрочем, складывалось впечатление, что она всегда была такой, как сейчас, женщиной, чья миниатюрная фигура словно возвышалась над работницами вышивальных мастерских. В ее голосе едва уловимо чувствовался слабый отзвук западного говора, а ярко-голубые глаза подмечали любую мелочь. Мисс Дьюли всегда держалась уверенно и с достоинством, что Энн находила успокаивающим.

– Сосредоточьтесь на работе, что у вас перед глазами, и остальное уладится само собой, – любила повторять мисс Дьюли. – Оставляйте свои заботы за дверью мастерской и думайте только о задании мистера Хартнелла.

С тех пор жизнь принесла Энн столько забот, что хоть отбавляй, и случались дни, – а то и целые годы, – когда следовать совету мисс Дьюли было почти невозможно. Летом тридцать девятого внезапно скончалась мать Энн. «Сердце», – заключил врач. Потом война, «Блиц»¹ и ужас той ночи, когда погиб брат. Ей сказали, что он обгорел до неузнаваемости, даже обручальное кольцо на пальце расплавилось.

Затем последовали годы несчастья, и в Энн окрепла уверенность, что ничего, кроме несчастья, у нее нет и не будет. Дом на Морли-роуд, мастерские у Хартнелла и безымянная пустота между ними. Черда серых дней и холодных ночей, полная воспоминаний о навсегда потерянных близких, тянулась так долго, что Энн уже перестала мечтать о другой жизни.

Часы в гостиной пробили семь, выведя ее из задумчивости. Энн стояла у стола, сжимая в руке несколько вилок и изо всех сил стараясь пробудить в себе аппетит к ужину, который приготовила Милли. Ей приходилось бороться с собой, поскольку окорок на самом деле был

¹ «Блиц» – стратегическая кампания немцев по бомбардировке Лондона, 57 ночей подряд. (Здесь и далее прим. перев.)

сгустком хрящей и жира, а овощи превратились в сероватую кашу. Даже школьные обеды в детстве выглядели приятнее.

– Разве не ты хотела послушать радио? – напомнила Милли.

Большой старомодный радиоприемник в корпусе из орехового дерева стоял в гостиной справа от камина. Энн включила его и быстро накрыла на стол, оставив дверь в кухню приоткрытой. Пока они поужинают и вымоют посуду, гостиная достаточно прогреется, чтобы провести там часик перед сном.

Едва они сели за стол, как беззаботная музыка на радио «Лайт» сменилась выпуском новостей.

«В последний день января – самого холодного за многие годы – Их Величества король, королева и две принцессы отправились в турне по Южной Африке...»

– Мне плохо слышно, – вдруг сказала Милли. – Я сделаю звук погромче.

– Да-да. Не шуми.

– ...собрались вдоль всего маршрута, чтобы помахать королевской семье на прощание, и каждый в этой толпе наверняка мечтал хоть на мгновение перенестись из лондонской стужи под жаркие лучи африканского солнца...

– Я бы ни за что не вышла им помахать, – пробормотала Милли. – Только не в такой мороз.

Словно отвечая на жалобы Милли, диктор перешел к теме погоды:

– Минувшей ночью температура воздуха в Лондоне поднялась до минус двадцати семи, что на десять градусов выше, чем в начале недели. Возможно, нам следует благодарить снег, выпавший в нескольких районах столицы. Однако зима нанесла еще один удар по британским домохозяйкам: если продолжится дефицит угля, скоро по всей стране начнут закрываться прачечные.

Чайник вскипел. Энн подошла к плите и занялась приготовлением чая. На двоих – половина ложки чайных листьев, выловленных со дна жестяной банки. Без такой маленькой роскоши, как сахар, они с Милли давно научились обходиться.

– Интересно, эти девочки хоть догадываются, как им повезло? – произнесла Милли.

– Принцессы? Ты всегда так говоришь, когда слышишь о них в новостях.

– Им в самом деле повезло! Наряды и украшения, какие душе угодно. А работать не нужно ни минуточки. Мне бы такую жизнь!

– Они работают. Да, и не закрывай глаза. Работают. Представь, что их ждет в этом турне. День за днем одни и те же нудные беседы с незнакомцами. Куда бы принцессы ни пошли, на них пялятся. Стоит приблизиться – люди столбенеют. Сомневаюсь, что они хотя бы смогут увидеть море, не говоря уже о купании.

– Да, но...

– И не важно, какая жара стоит на улице, как сильно они устали, и как у них болят ноги, им придется натягивать улыбки и притворяться, будто нет ничего более захватывающего, чем перерезать ленточку и объявлять, что в крошечном городке на задворках мира теперь есть мост или парк, названный в честь их отца. Если это не работа, то что тогда? Я бы ни за какие деньги не поменялась с ними местами... Разве только в обмен на уголь, чай и электричество для всего мира.

– Конечно, поменялась бы, не глупи. Ты явно не в себе, если не хочешь быть богатой, как принцессы.

– Против богатства я ничего не имею. Но чтобы меня узнавали, куда бы я ни пошла, и следили за каждым моим шагом? Постоянно бояться нарушить этикет или сказать что-нибудь не так? Нет уж, увольте.

– Согласна.

– Я слышала на работе, как портнихи и продавщицы жаловались на состоятельных клиентов. Грубияны среди них не редкость. Придираются к любой мелочи, а сами никогда спасибо не скажут, вечно ходят недовольные. Определенно никто из них не пришлет подарки девушкам из мастерских. В отличие от принцесс и королевы. Вот им чувство благодарности не чуждо.

– Справедливо, – признала поражение Милли. – Тогда давай станем миллионершами, чтобы проводить зимы на юге Франции или итальянском побережье. Нас с тобой, загорелых и счастливых, будут путать с американскими кинозвездами.

Энн невольно улыбнулась, представив, как они с Милли раздают автографы.

– Разве это не сказка? Запросто взять и сесть на поезд или на корабль, отправиться в далекую страну... Увидеть из окна поезда что-нибудь кроме серого неба, покрытого копотью кирпича и застывших под снегом деревьев.

– Или не очень далекую. Мне хватит и пяти дней у моря.

Разговор стих – надо было убирать со стола. Чтобы у Энн не загубела кожа на руках, мытьем посуды занималась Милли. К половине восьмого они уже закончили.

– Может, разжечь огонь в гостиной? Всего на часок? – спросила Милли.

– Хорошо. Только небольшой. Я проверила ящик с углем – он почти пуст. И одному богу известно, придет ли к нам угольщик на этой неделе.

– Я сделаю совсем крошечный огонек, мы сядем поближе к камину, и я тебе почитаю. По дороге домой я купила в газетном киоске новый журнал.

Милли сдержала слово, огонь в камине едва теплился, однако в гостиной стало на пару градусов теплее. Завершение недели вышло приятным: прикрыв глаза и чувствуя, что ноги наконец согрелись, Энн сидела в удобном кресле и слушала один из романтических рассказов, которые так любит ее невестка.

Милли и Фрэнк поженились всего за несколько месяцев до его гибели – одной из ужасных, бессмысленных смертей во время «Блица», мысли о которых все еще ранили Энн, когда она позволяла себе об этом думать. Ее брат даже не был пожарным, лишь зрителем на вышке, но, когда из-за бомбы загорелась ближайшая фабрика, он ни секунды не колебался – бросился в огонь искать выживших, да так и не вышел из здания.

А Милли еще слишком молода: ей двадцать шесть, на год старше Энн. До замужества она любила ходить с друзьями в кино или на танцы, а теперь вынуждена коротать пятничный вечер за чтением вслух у камина.

Если уж на то пошло, а когда сама Энн в последний раз развлекалась? Возможностей хоть отбавляй: девушки с работы почти каждую пятницу ходили в танцевальные залы Вест-Энда. На приглашение Энн всегда отвечала «нет, спасибо, в другой раз». Эту привычку она приобрела, когда еще была жива мать, и если Энн изредка спрашивала разрешения провести вечер вне дома, в ответ неизменно получала нравоучительную лекцию. «С тем же успехом деньги можно просто выбросить. Платье, туфли, помада, а еще закуски и коктейли, к которым не дай бог привыкнешь, – считала ее мать, загибая пальцы на огрубевшей от работы руке. – Я уж не говорю, что за вход нужно отдать почти шиллинг. И ради чего? Чтобы подпирать стену вместе с другими проститутками?»

Конечно, мама вовсе не хотела обидеть Энн, она лишь пыталась закалить характер дочери. Рассказать, как безжалостен мир, особенно с бедными девушками. И действительно, вряд ли кто-то на танцах проявит к Энн искренний интерес, а верить в обратное было бы глупо и наивно.

Однако к Милли все это совершенно не относилось: она молода, хороша собой, и ее никак не назовешь проституткой. Почему бы Милли не сходить куда-нибудь повеселиться? Нужно всего ничего: симпатичное платье и немного ободряющих слов от Энн.

Работницам мистера Хартнелла позволялось с разрешения руководителя мастерской использовать выкройки для себя и даже забирать обрезки ткани и кое-какие материалы для

отделки. Энн время от времени могла перешить воротник на блузе или заменить пуговицы на пальто.

Вот как она поступит. На следующей встрече «Женского института» она подыщет для Милли платье, а затем немного его переделает. Тогда останется лишь уговорить Милли пойти потанцевать с подругами. Может, она найдет нового кавалера. Может, прервется череда унылых вечеров за чтением журнала, и ее жизнь станет чуточку теплее и ярче.

Пробили часы на каминной полке. От огня осталась лишь пара искорок, и на Энн вдруг навалилась такая усталость, что не было сил подняться по лестнице в спальню. По крайней мере, завтра хотя бы не придется вставать на рассвете.

– Ступай к себе, – сказала она Милли. – А я принесу тебе грелку.

Оставшись на кухне в одиночестве, Энн ждала, пока вскипит чайник, и восхищенно смотрела на горшок с вереском. Весной она высадит его у дома, в крошечном, на одну цветочную клумбу, садике, зажатом между сараем и ящиком для угля. Во время войны Энн выращивала там более практичные растения: бобы, морковь, кабачки и картофель. Но в июне, после Победы, она высыпала в почву горсть семян календулы, которые ей дал сосед мистер Тилли. Следующей весной они снова взошли, и тогда Энн высаживала все больше цветов, пока каждый клочок земли не покрылся растениями, которые нельзя съесть.

Пусть Милли усмехается сколько хочет, для Энн этот вереск – настоящее сокровище. Подарок от самой королевы в качестве признательности за проделанную работу. Энн будет выхаживать вереск до конца зимы, а потом – если весна когда-нибудь придет – отыщет для него место на клумбе. От Балморала до Баркинга путь неблизкий, и садик Энн станет чудесным пристанищем после долгого путешествия.

– Тебе здесь будет хорошо, – сказала Энн вереску, касаясь кончиками пальцев его бархатных стеблей. Очнувшись от фантазий и слегка сконфузившись, она наполнила грелки для себя и Милли, выключила свет на кухне и пошла спать.

– 2 –
Мириам
Англия, Лондон
3 марта 1947 г.

Ее первым впечатлением навсегда останется серость – везде и всюду. Была середина дня, подступали сумерки, ледяной дождь отбивал дробь по стеклу. За окнами поезда тянулись унылые сельские пейзажи в свинцово-серых тонах, голые зимние поля и одинокие домишки, затем их медленно стали сменять сбившиеся в стайки здания и сплетения городских улиц. Тот самый город. Лондон.

Поезд неуклюже перекатился с одного пути на другой, потом еще раз, постепенно теряя скорость. Теперь из окна виднелись только кирпичные стены в пятнах копоти, и на несколько мгновений заблестела под мостом водная гладь. «Темза», – догадалась она. Все медленнее и медленнее поезд натужно катился вперед, пока, содрогнувшись в последний раз, не замер у края платформы, гневно изрыгая огромные клубы дыма и пара.

Пассажиры бросились застегивать чемоданы, натягивать перчатки, плотнее закутываться в теплые шарфы. Мириам шагала по перрону, принаравливаясь к торопливым шагам людей вокруг и стараясь не отставать. Ее сумки почти ничего не весили, идти было легко.

В конце платформы стоял контролер, или инспектор, или как там его называют в Англии. Наблюдая за выражением его лица, когда он компостировал билеты, Мириам почувствовала облегчение: контролер ободряюще улыбался тем, кто выглядел неуверенно или встревоженно.

Она заранее приготовила свой билет, угадав, что в Англии устроят еще одну проверку, но, сохраняя выдержку, пропустила вперед остальных пассажиров. Не стоит привлекать к себе внимание и задерживать людей. Ей не раз говорили, что нельзя мешать англичанам наслаждаться искусством стояния в очередях.

– Добрый вечер, – поздоровалась Мириам.

– Добрый вечер, мисс. – Контролер вернул ей билет, проделав в уголке маленькую дырочку. Словно это сувенир, который следовало хранить на память. О том, как она уехала из Франции, оставив там все, что было знакомо, и оказалась в таком странном, холодном, богом забытом месте.

– Прошу прощения, вы не знаете, как добраться до отеля «Уилтон»? Кажется, он недалеко от вокзала. – Несколько недель кряду она изучала содержимое полок в букинистических лавках вдоль Сены, пока не нашла путеводитель по Лондону. Если верить описанию, в «Уилтоне» должно быть комфортно и не слишком дорого.

– Вы правы, мисс, он совсем недалеко. Выходите прямо через эти двери, потом сверните направо – выйдете на Уилтон-роуд. Отель через дорогу, за театром «Виктория». Если увидите перекресток с Гиллингем-роуд, значит, вы прошли слишком далеко, поворачивайте назад. Вам нужна помощь с багажом? Я могу найти носильщика, и он...

– Нет, спасибо, я справлюсь сама. Благодарю.

Инструкции контролера оказались точны, и всего через несколько минут Мириам уже была на месте. Отель, несомненно, знавал и лучшие времена: фасад был покрыт грязью и копотью, коридор освещался единственной тусклой лампочкой над входом, а воздух внутри пропах сыростью, капустой и сигаретным дымом.

За столом, подперев рукой подбородок и прикрыв глаза, сидел мужчина. Лацканы его пиджака были изрядно потерты, на плечах лежали хлопья перхоти. Пока она разглядывала

портье, уголок его рта дернулся, будто он хотел улыбнуться, но передумал. Наверное, вспоминал о более счастливых деньках.

– Кхм, – кашлянула Мириам и подождала, пока мужчина обратит на нее внимание. – Извините, – сказала она чуть громче и смелее.

Он встрепнулся и сел прямо, ловя ртом воздух.

– Прошу прощения, я всего лишь дал отдых глазам.

– Ничего страшного. Есть ли у вас свободный одноместный номер?

Портье нахмурился и посмотрел в книгу регистраций, лежавшую перед ним на столе.

– На сколько ночей, мисс?

– Точно не скажу. На две или три для начала. Могу я узнать, сколько стоит один день?

– Десять и шесть с завтраками или пятнадцать бобов за полный пансион. Туалет и ванная в конце коридора, уборка в номере раз в день, постельное белье меняется только раз в неделю из-за нехватки угля.

В путеводителе по Лондону она читала про странные британские деньги и все равно с трудом подсчитывала сумму в уме. Боб – это вроде бы шиллинг? А двадцать шиллингов – это фунт, значит, одна ночь в этом неожиданно дорогом отеле обойдется примерно в двести пятьдесят франков. Впрочем, в тот момент ей невыносимо было даже думать о поисках другого пристанища.

– Хорошо. Для начала я возьму на три ночи одноместный номер с завтраками.

– Отлично, мисс. Мне понадобится ваш паспорт.

Она едва поборола накатившую волной панику, когда портье сравнил ее лицо с фотографией в документе. Он не из полиции, не из гестапо. Он запишет номер паспорта и ничего ей не сделает. Только и всего.

– Приехали в отпуск, мисс... Дассен?

– Нет, я переезжаю в Лондон. Из Франции.

– Простите за такие слова, но вы не могли выбрать худший момент для переезда. Самая суровая зима на памяти старожилов, угля не хватает ни на что, продукты нормируются. Теперь уже и картофель продается по купонам, представляете? Картофель!

Она выдавила из себя улыбку.

– И все же мы выстояли в войне, разве нет? К тому же очень скоро придет весна.

– Надеюсь, вы правы, – ответил портье и тоже улыбнулся, должно быть вспомнив прошлую весну. – Немного солнышка – и нам будет все нипочем.

Он закончил что-то писать в другой книге и вернул паспорт.

– Если вы пробудете здесь дольше недели или двух – я имею в виду в Англии, а не в нашем отеле, – вам нужно получить продовольственную книжку. Зато в ресторанах еда не нормируется, можно обедать без всяких проблем. Завтрак подается с половины седьмого до половины десятого, если я еще не упоминал. А вот и ваш ключ. Третий этаж, конец коридора. Лифт, к сожалению, не работает, придется пойти по лестнице. Горячую воду отключили до утра. А с ней и отопление. Извините за неудобства.

– Ничего, к холоду я привыкла. Я хотела бы... могу я взять в вашей прачечной утюг и гладильную доску?

Простой вопрос, казалось, сбил его с толку.

– Не знаю. Не уверен... наверное, можно. Обычно мы сами утюжим вещи для постояльцев.

– Не сомневаюсь, но эта одежда мне дорога. Непросто... – Здесь пришлось сделать паузу, чтобы выудить нужное слово из памяти. – Непросто перепоручить заботы о моем гардеробе кому-либо еще. Надеюсь, вы меня поймете. – Она старалась, чтобы голос прозвучал мягко, чуть громче шепота, и одарила портье самой обезоруживающей улыбкой. Эта несмелая улыбка чуть дрожащих губ сослужила ей хорошую службу за последние семь лет.

– Думаю, я смогу договориться, чтобы ваша просьба была исполнена, мисс Дассен.
«Дас'н», – произнес портье фамилию, проглотив последний слог.

Она подавила приступ дрожи и снова улыбнулась.

– Буду благодарна, если вы постараетесь все устроить сегодня же вечером. Видите ли, у меня завтра важная встреча, и я не смогу уснуть, если не буду уверена, что все готово.

– Конечно, – ответил он, слегка покраснев. – Я все принесу в вашу комнату. Помочь вам с багажом?

– О нет, спасибо, он нетяжелый. Мне нужны только уют и доска. Огромное спасибо! Вы очень добры.

Все-таки лифт был бы весьма кстати: с чемоданами, пусть даже легкими, она с трудом добралась до верхнего этажа отеля. Номер, как и сказал портье, располагался в самом конце коридора, и она надеялась, там будет тихо. Возможно, в тишине ей удастся уснуть.

Она отперла дверь, включила свет и опустила на пол чемоданы. Затем немного посто-яла с закрытыми глазами, давая себе отдохнуть. Тяжело дыша, она ждала, когда уймется боль в руках. После освобождения прошло почти два года, а она все еще слаба. Что говорил аме-риканский врач? Хорошая еда, отдых, посильные физические нагрузки и, прежде всего, тер-пение – тогда она снова станет собой.

Добросердечного врача до глубины души потрясли страдания, которые ей довелось пере-жить, и он сделал все возможное, чтобы ей помочь. И все же он ошибся: ни свежий воздух, ни сытная еда, ни приятные прогулки под ласковым солнцем никогда не вернут того, что у нее отняли. В день, когда решение созрело, Мириам написала подруге, знавшей ее достаточно хорошо, чтобы понять. Катрин ответила на следующий день.

20 февраля 1947

Моя дорогая Мириам!

Сможешь ли ты выделить время, чтобы увидеться со мной перед отъездом? Я не стану тебя отговаривать – уверяю тебя, я понимаю твои резоны, однако хочу попрощаться как следует. Скажем, в четверг вечером, в шесть часов? Я живу с Тианом в его новых апартаментах. Предупрежу персонал, что ты придешь. Если время тебе не подходит, дай мне знать.

*С наилучшими пожеланиями,
Катрин*

Тиан – не кто иной, как Кристиан Диор. Тот самый Диор, чья коллекция нарядов несколько недель назад покорила весь мир. Мириам сделала вышивки на нескольких платьях, – месье Диор высоко ценил вышивальную мастерскую «*Maison Rébé*». Однако она не встречалась с самим модельером и никогда бы не смела даже надеяться, что такая встреча состоится бла-годаря дружбе с Катрин.

Проходя в апартаменты Диора через парадную дверь, Мириам чувствовала себя весьма странно – великосветской дамой, прибывшей на примерку нового туалета. Но попробуй она пробраться незаметно через вход для персонала, Катрин непременно узнала бы.

Мириам проводили в изящно обставленную комнату, проявляя всяческую любезность и предлагая всевозможные напитки, и только когда она решительно отказалась от угощений, ее оставили в одиночестве. Впрочем, лишь на мгновение, поскольку дверь тут же распахнулась, и вбежала Катрин.

– О, моя дорогая, как я рада тебя видеть! Садись, дай на тебя поглядеть. Хочешь чего-нибудь? Чашку кофе? Травяного чаю?

– Нет, спасибо, мадемуазель Диор, – ответила Мириам, вдруг смутившись. Сколько бы ни длилась их дружба, к ней вышла сестра величайшего в мире кутюрье.

Однако подруга покачала головой и взяла Мириам за руки.

– Для тебя просто Катрин. Я настаиваю. А теперь Расскажи мне, что случилось.

– На прошлой неделе начался судебный процесс. Уверена, ты помнишь, я об этом говорила.

– Про соседа твоих родителей? Того жандарма?

Мириам кивнула. Она пошла на первое заседание, рассчитывая стать свидетелем свершившегося правосудия. Адольф Леблан жил рядом с родителями Мириам, сколько она себя помнила, и за много лет он ни разу не поздоровался, ни разу не справился о здоровье, ни разу не позволил ей поиграть со своими детьми. «Грязная еврейка», как ее называли, научилась опасаться и детей, и их краснолицего, громогласного отца.

За облавой на ее семью стоял Леблан, человеческий винтик в беспощадной машине смерти, прокатившейся по всему континенту. Тем не менее его оправдали, когда процесс даже толком не начался.

– Его освободили вместе с половиной других подсудимых, – рассказала Мириам. – Судьи посчитали, что помощь сопротивлению полностью искупает вину.

– Вот негодяй! Уверена, он и пальцем не пошевелил, пока не стало ясно, кто победит! – Катрин презрительно фыркнула.

– Он прошел мимо меня, выходя из зала. Так близко, что коснулся рукавом. Он наверняка меня узнал.

– Но оказался не настолько глуп, чтобы выдать себя?

– Именно.

Мириам искала в глазах Леблана хотя бы намек на чувство вины или стыда. Вместо них она увидела ненависть. Жгучую, едкую, неутолимую. Она оглядела зал суда – в глазах других подсудимых горела такая же ненависть.

– Все же ты из-за чего-то расстроена. Что он сделал?

Мириам крепко зажмурилась, пытаясь стереть воспоминание.

– Он улыбнулся. Улыбнулся и кивнул мне, чтобы я знала: если бы время повернулось вспять, он бы ничего менять не стал. Маман, папá, дедушка... Если бы мог, он бы снова отправил их на смерть.

– Не все такие, как он, – умоляюще прошептала Катрин.

– Знаю. Но теперь мне страшно. Он напомнил об этом страхе.

– Я понимаю. Понимаю.

– Я хотела попрощаться и поблагодарить тебя за помощь. Без тебя я бы не выжила.

– Как и я без тебя, – сказала ее подруга, и этих слов было достаточно им обоим. – Подожди минутку! Хочу кое с кем тебя познакомить.

Подруга стремительно покинула комнату, прежде чем Мириам успела ответить. Катрин хочет с кем-то ее познакомить? Она ведь не может иметь в виду...

Катрин вернулась, ведя под руку высокого мужчину, не узнать которого было невозможно.

– Месье Диор, – выдохнула Мириам, вскакивая на ноги.

Он пожал ей руку, как будто считал Мириам равной себе, и смущенная улыбка озарила его серьезное лицо.

– Мадемуазель Дассен, знакомство с вами для меня большая честь. Моя дорогая сестра рассказывала о вашей доброте к ней и другим узникам. Я рад, что представилась возможность выразить вам свою благодарность.

– Она тоже... была добра ко мне, – запинаясь, проговорила Мириам. – Мы помогали друг другу, чтобы выжить.

Мириам действительно помогала Катрин – тем немногим, чем могли поддерживать друг друга заключенные концлагеря. Она подобрала несколько кусочков драгоценного хлеба, который кто-то выбросил вместе с прогорклым супом, выданным в качестве пайка. Она вымолила

у другой заключенной лоскуты ткани, чтобы перевязывать ноги Катрин, когда у той началась инфекция. По ночам, когда подруга впадала в отчаяние, Мириам напоминала ей о прекрасном мире, ждавшем их по ту сторону решеток. Напоминала о шелковых платьях, о цветущих садах, о дружбе и любви.

Когда они вернулись во Францию на поезде для беженцев, Катрин оплатила лечение Мириам, чтобы та восстановила пошатнувшееся здоровье. Катрин знала, что семьи у Мириам не осталось.

– Катрин вчера сообщила мне, что вы эмигрируете в Англию, и попросила составить для вас рекомендательное письмо. Разумеется, я с удовольствием исполнил просьбу, поскольку многие из моих последних творений украшены вашими руками. По крайней мере, так говорил мне месье Ребе.

– Это верно, месье Диор, но я не хотела бы вас затруднять, и...

– Также я написал, куда вы можете попробовать устроиться в Лондоне. Там немного вышивальных мастерских, поэтому я предлагаю вам обратиться к самим модельерам. Среди них особенно рекомендую месье Нормана Хартнелла. На мой взгляд, его вышивальщицы делают исключительно изысканные работы. Прошу, примите это вместе с моими искренними пожеланиями удачи. – С этими словами Диор протянул Мириам конверт, еще раз пожал ей руку и удалился.

Как только он ушел, Мириам повернулась к подруге.

– Зачем? Я бы тебя никогда не попросила...

– Я знаю, поверь. И все же хочу помочь. Мы обе понимаем, что имя Тиана откроет для тебя много дверей. Обещай, что, если у тебя возникнут трудности, ты дашь мне знать.

– Обещаю.

Тогда Мириам не заметила, что содержимое конверта тяжелее двух листов бумаги. Они с Катрин обнялись и попрощались, Мириам вернулась домой, чтобы упаковать еще некоторые вещи, и лишь тогда обнаружила в конверте деньги от месье Диора – пять двадцатифунтовых английских банкнот. Теперь они зашиты в подкладку ее пальто – страховка на черный день.

Мириам открыла глаза и постояла на месте, осматривая гостиничный номер. Здесь было чище, чем она ожидала. Впрочем, в тусклом свете единственной лампочки, свисающей с потолка, многого не разглядишь. Одно окно, довольно маленькое, выходящее на пожарную лестницу. Справа у стены узкая кровать: покрывало в нескольких местах заштопано, подушка явно истончилась. Рядом с кроватью – шкаф с зеркалом на дверце. В дальнем углу – умывальник, на краю которого свернутое полотенце. Слева небольшой стол и стул.

Мириам шагнула вперед и включила лампу, стоявшую на столе. Ничего не произошло. Лампочка перегорела.

За спиной раздался стук.

– Мисс Дассен, вы там?

– Да, входите, пожалуйста.

Поставив утюг на стол, портье попытался установить гладильную доску, но ее устройство, очевидно, было для него загадкой.

– Не беспокойтесь, я справлюсь сама, – сказала Мириам.

– Извините. В комнате только одна розетка, вот здесь, у стола. Сначала придется отключить лампу.

Она кивнула. О перегоревшей лампочке, пожалуй, лучше спросить завтра. Сегодня портье и так сделал немало.

– Большое спасибо. Вернуть вам доску и утюг, когда я закончу?

– Не стоит. Горничная заберет их у вас через пару дней. Если понадобится, то придет кто-нибудь из прачечной.

– Вы очень добры, – произнесла Мириам, надеясь, что портье не будет настаивать на чаевых. Она пожала ему руку и улыбнулась, глядя в глаза.

– Ничего страшного, – добродушно сказал он, поняв намек. (Возможно, в Англии и вовсе не принято давать на чай? Нужно справиться об этом в путеводителе.) – Спокойной ночи.

Портье вышел из комнаты. Мириам заперла дверь, затем дождалась, пока стихнут его шаги, и впервые за день вздохнула с облегчением. Наконец одна. Наконец ее не окружают незнакомцы, не нужно с натугой вспоминать слова, которые рыболовными крючками цеплялись за самое дно памяти. Наконец можно отдохнуть от привычки сглаживать каждую фразу и делать голос мягче, чтобы не навлечь беду.

Перво-наперво – дело. Мириам поставила гладильную доску у стола и включила утюг. Пока тот нагревался, она положила на кровать один из двух чемоданов, вынула из него свой лучший костюм и блузку. Тщательно свернутые и проложенные папиросной бумагой, вещи все же помялись. Она взяла утюг, на вид весьма древний и ненадежный, и осторожно провела им по внутренней стороне юбки. Ткань осталась целой, и Мириам приступила к борьбе со складками.

Слишком уставшая и замерзшая, чтобы даже умыться перед сном, она переделась в ночную рубашку, убрала одежду в шкаф, выключила свет и легла спать. Хотя простыни были слегка влажными, вскоре она перестала дрожать и расслабилась, позволив тишине себя убаюкать.

Едва закрыв глаза, Мириам оказалась перед отрезом шелка, туго натянутым на раму; ткань цвета слоновой кости сияла в лучах позднего солнца. Пяльцы для вышивания лежали у окна в мастерской «*Maison Rébé*» – там, где она их оставила.

Работа спорилась. Рисунок – цветочный венок – был почти готов, он представал ее мысленному взору много ночей подряд. Она уже закончила вышивать бурбонские розы; между их стеблями и нежными бутонами вились усики жимолости. Сегодня надо начать первые пионы.

В саду у родителей рос старый пионовый куст, посаженный задолго до того, как они переехали в дом, и каждый год в мае с него срезали охапки цветов: некоторые были размером с суповую тарелку, а лепестки окрашивались во все оттенки от бледно-розового до темно-вишневого. Мириам любила этот куст больше всех.

В прошлом году она заставила себя туда съездить. Выяснить, остались ли хоть какие-нибудь следы ее родных, напоминание об их жизни. Люди, занявшие дом родителей, сказали, что ничего не знают. В дом ее не пустили, поэтому Мириам попросила показать ей сад. Пять минут в саду, и она уйдет.

Они погубили пионовый куст. Они выкопали цветы ее матери и разбили огород. Они уничтожили все прекрасные растения, которые с такой любовью выращивала мать. Они...

Пион жил в ее памяти. Мириам видела его столь ясно, что различала каждый лепесток, яркий, сияющий и совершенный. Пион ничуть не изменился.

Она смахнула слезы, заправила нитку в иглу, коснулась невесомой ткани кончиками пальцев. И принялась за работу.

– 3 –

Хизер

Канада, провинция Онтарио, г. Торонто

5 марта 2016 г.

– Хизер? Это мама. Я тебе обзвонилась!

– Прости, я не слышала.

– Где ты?

– В супермаркете, покупаю продукты. Слышишь, как шумно? Субботнее утро в Торонто.

Что случилось?

– Бабушка Нэн.

Гомон оживленного магазина, болтовня и нытье людей вокруг, лязг тележек, громкая ретро-музыка из трескучих динамиков – все звуки вмиг стихли. Остался глухой и ровный барабанный бой, громыхающий в груди. Звук ее сердца.

– Хизер?

– Что с Нэн? – спросила она, заранее зная ответ.

– Ох, милая. Мне тяжело сообщать такие новости. Сегодня утром она умерла.

Очередь продвинулась вперед, и Хизер толкнула свою тележку, с трудом управляясь одной рукой.

– Но... – Во рту пересохло. Она сглотнула, облизнула губы, попробовала еще раз. – Но с ней было все хорошо, когда мы созванивались в последний раз.

Как давно она говорила с Нэн? Обычно она звонила бабушке по воскресеньям, а в последнее время с головой ушла в работу. Не то чтобы занималась важными делами, скорее механическим, бездумным трудом, и к концу недели так уставала, что...

– Хизер? Ты там?

Она снова толкнула тележку вперед.

– Я не понимаю. Вы ведь даже не говорили, что она болеет.

– Мы с ней виделись в среду, и она казалась вполне здоровой. Впрочем, ты же знаешь, она никогда не подавала виду, что плохо себя чувствует.

– Знаю, – прошептала Хизер.

Что-то щекотало ей щеки. Она провела рукой по лицу – с кончиков пальцев стекали капли беззвучных слез. Хизер стерла их шерстяным воротником пальто, дурацкого пальто без карманов. Может, в сумке найдется салфетка?

– Что произошло?

– Когда она не пришла ужинать, одна из подруг решила ее проведать. Нэн спала в кресле – в том, что стоит у окна в ее комнате, – и подруга не смогла ее разбудить. Тогда они вызвали «скорую», а потом позвонили нам. Врач сказал, это пневмония, которая началась с простуды и напала исподтишка. Понимаешь, в таком возрасте уже мало что можно сделать. Да и мы давно все обсудили, она не хотела ничего такого. Я имею в виду любую возню с лечением. Так что мы с отцом оставались с ней, пока...

Всю ночь Нэн умирала, а Хизер даже не удосужились сообщить.

– Почему ты не позвонила?

– Хизер, милая, ты знаешь, она не хотела, чтобы ты ее видела такой. Ты же знаешь. Когда мы приехали, она спала, поэтому...

Из горла Хизер вырвалось рыдание, гулкое и громогласное. Другие покупатели на мгновение встревожились, отвернули головы и старательно уткнулись в свои телефоны. Что заставило их отвести взгляды: сочувствие или равнодушие?

Еще одно рыдание, громче прежнего; как будто прорвало плотину.

– Хизер, послушай меня. Брось покупки. Оставь тележку у стойки информации, или как она там называется, и скажи, что тебе нужно срочно уйти. Скажи, что у тебя чрезвычайная ситуация. Слышишь?

– Да, мам, слышу. – Она осторожно откатила тележку в сторону, стараясь ни с кем не столкнуться. Стойка информации совсем рядом.

– Сунита или Мишель смогут забрать твои продукты?

– Наверное.

– Хорошо. Тогда скажи в магазине, что тебе нужно идти, а покупки заберет твоя подруга. Оставь свой номер телефона на всякий случай.

Женщина за стойкой выкладывала на витрину лотерейные билеты. Улыбка исчезла с ее губ, как только она подняла глаза и увидела залитое слезами лицо Хизер.

– Чем я могу вам помочь?

– Мне... ох...

– Хизер, дай ей телефон, я поговорю.

Женщина взяла телефон, протянутый Хизер, и вскоре хмурое недоумение на ее лице сменилось выражением сочувствия.

– Алло. Да. Соболезную вам. Конечно, мы можем так сделать. Без проблем. Хорошо. Нет, я не сброшу звонок. – Она вернула Хизер телефон. – Ваша мама все объяснила. Очень жаль вашу бабушку.

Хизер попыталась выдавить улыбку, но вряд ли вышло убедительно.

– Спасибо. Моя подруга скоро зайдет.

Пару минут спустя она сидела в своей маленькой машине, которая досталась Хизер от Нэн.

Древний «Ниссан» уже был подержанным, когда бабушка купила его десять лет назад, и не мог похвастать «новомодными примочками», как их называла Нэн. Ни кондиционера, ни стереосистемы, ни усилителя руля – только радио и ручки для подъема стекол. И все же «Ниссан» напоминал о Нэн, поэтому Хизер будет ездить на нем, пока колеса не отвалятся.

Рухнув на водительское кресло, Хизер переключила телефон на громкую связь, бросила его на приборную панель и опустила голову на руль.

– Ты еще здесь?

– Да, мам. Здесь.

– Лучше тебе сейчас не садиться за руль. Ты слишком расстроена.

Глубокий вдох. Долгий выдох. Еще минуту, и тогда, может быть, получится унять дрожь в руках, а ужас перестанет сдавливать горло.

– Я смогу вести машину, – сказала она наконец. – Лишь бы добраться до дома.

– Ладно. Опusti стекло, подыши свежим воздухом. Ты хорошо видишь? Вытри слезы. Люблю тебя, милая.

– И я тебя люблю.

– Позвонишь мне, когда будешь дома?

– Обещаю.

На мгновение голос матери сменился электрическим треском, затем наступила тишина.

Хизер потерла глаза, завела машину и поехала в сторону дома.

Нэн больше нет.

Нэн умерла.

Как такое возможно?

Нэн не выглядела старой. Она даже на пенсию не уходила, пока не стукнуло восемьдесят. Тогда она продала маленький магазинчик на Лейкшор-авеню, который держала без малого полвека, а еще пять лет спустя продала и свой домик и переехала в «Поместье «Вязы», многоквартирный дом для пожилых людей. Там была дежурная медсестра, столовая для тех, кто не любил готовить, и так много мероприятий, кружков и экскурсий, что по выходным Нэн бывала даже более занятой, чем внучка.

Хизер неохотно признавала, что Нэн в последнее время немного сбавила обороты: перестала водить машину, меньше занималась волонтерством, а когда простужалась, не могла поправиться за день-другой, как раньше. Однако до сих пор она всегда выздоравливала. Всегда.

Отрывистый гудок заставил Хизер встрепенуться. Она не заметила, что загорелся зеленый свет. Мысленно извиняясь перед водителем, ехавшим сзади, Хизер нажала на газ, а в голове все всплывали воспоминания.

Свернув налево, она припарковалась у дома, но из машины не вышла. Взгляд рассеянно скользил по улице: через дорогу, на солнечной стороне, земля уже прогрелась, и начали распускаться первые цветы. Она разглядела подснежники, крокусы, даже несколько ранних нарциссов и не могла решить, радуют они ее или печалят.

Нэн всегда ждала весну с нетерпением. Как глава садоводческого комитета в «Вязах», она отвечала за цветочные клумбы во внутреннем дворе у столовой. Когда Хизер приезжала туда в последний раз, бабуля показывала ей рассаду однолетников, взошедшую из семян. На подоконнике в комнате Нэн стояли аккуратные ряды баночек из-под йогурта, в которых росли бархатцы, алиссум, космеи, петунии.

Что будет с ее растениями? Нужно удостовериться, что их поливают.

Хизер заглушила двигатель и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы решиться на марш-бросок до входной двери. Едва она добралась до скамеечки в холле, колени подогнулись, а сумка выскользнула из рук и упала на кафельный пол.

Холлом называлась крошечная прихожая между двух дверей: одна вела в квартиру Хизер наверху, а другая – на первый этаж, где жили Сунита и Мишель. Подруги разделили дом сразу после покупки, и в один прекрасный день им наверняка потребуется второй этаж, но сейчас они с удовольствием сдают его Хизер буквально за гроши.

– Сунита? – позвала она. – Мишель?

– Суни ушла, – раздалось из-за спины Хизер. – Но я в твоём распоряжении. Что случилось?

– Когда я была в магазине, позвонила мама.

– У Лиз и Джима какие-то новости? Собрались в очередное путешествие?

– Нет. Мама звонила рассказать про Нэн.

– С ней все в порядке? Опять поскользнулась на крыльце?

Глубокий вдох. Еще один.

– Нет, – услышала Хизер свой голос. – Ее не стало. Она умерла.

Донесся грохот, как будто что-то вывалили в кухонную раковину, затем поспешные шаги. Мгновение – и Хизер тепло обняли руки, пахнущие ванилью. Ну конечно. Сейчас субботнее утро, значит, Мишель занималась выпечкой.

– Ох, милая, как же так? Новости просто ужасные. Пойдем на кухню. Тебе нужна чашка чая.

– Т-ты говоришь как Нэн, – только и смогла пробормотать Хизер, а потом слезы снова хлынули из глаз.

Она села и позволила Мишель снять с нее пальто и ботинки, затем, с небольшой помощью подруги, добрела до кухни.

– Садись. Я поставлю чайник. Хочешь маффин?

– Нет, спасибо. – Хизер опустила голову на стол, чувствуя лбом приятный холодок. – Где Сунита? – спросила она, не поднимая глаз.

– Ушла в парк на пробежку. Вернется с минуты на минуту.

– Я оставила продукты в магазине. Не могла собраться с мыслями, и мама посоветовала бросить тележку у стойки информации. Я сказала, что покупки кто-нибудь заберет.

– Я съезжу. Или Суни, когда вернется.

Хизер закрыла глаза, стараясь ни о чем не думать. Засвистел чайник, и Мишель стала заваривать чай. В этом вопросе она была крайне разборчива.

– Поднимайся. Вот, с медом и лимоном. Как делала Нэн.

Хизер выпрямилась. Уютное тепло чашки согревало руки.

– Не могу поверить... В голове не укладывается.

– Твоя мама рассказала, что случилось?

– Никакой драмы. Обычная простуда переросла в пневмонию. Да, ей было почти девятью годами, и люди не могут жить вечно. Только она казалась одной из тех, кто может.

– Понимаю. Те, кто пережил войну, как будто из чугуна отлиты.

Пропищал таймер духовки. Мишель выключила ее, вытащила поднос с маффинами и поставила рядом с плитой.

– Готово. Это последняя партия. Сейчас съезжу в магазин. Ты была в «Лоблоу» на Дандас-стрит?

– Да. Спасибо. Ой, дать тебе карту?

– Не нужно, потом разберемся. Сиди здесь и пей чай. Я позвоню Суни и все ей объясню. Чтобы тебе не пришлось опять пересказывать.

Подруга закрыла за собой входную дверь, и Хизер осталась в доме одна. Нужно подняться к себе, позвонить маме, полежать немного. Пусть Сеймур свернется калачиком рядом с ней и убаюкает своим мурлыканьем. Увы, что-то приковало ее к кухне, к жесткому деревянному стулу, к ароматам апельсина и пряностей, наполнявшим воздух.

С последнего визита к Нэн прошло две недели. Хизер собиралась приехать в прошлые выходные, но сама простудилась и не хотела заразить бабушку.

Две недели назад они пили чай, ели булочки сконы из шотландской пекарни, которую бабушка так любила, болтали о девяностолетнем юбилее королевы и суете вокруг него. Потом зазвонил телефон, и Марджи, подруга Нэн, напомнила ей, что урок тай-чи начнется через десять минут в комнате отдыха.

– Прости, милая, мне пора, – сказала Нэн. – А кажется, что буквально минуту посидели.

– Да, время пролетело незаметно. Я позвоню тебе через пару дней, хорошо?

Она крепко обняла бабушку, и Нэн, хотя и не любила проявлять чувства, обняла Хизер в ответ. Она всегда обнимала Хизер в ответ. И всегда ждала у своей двери, пока Хизер дойдет до лифта и пошлет ей воздушный поцелуй.

Она вошла в лифт и послала бабушке воздушный поцелуй, потом двери закрылись, и остаток дня Хизер посвятила делам, о которых теперь даже не вспомнить. Она попрощалась с Нэн, не зная, что больше они не увидятся, что у нее не будет возможности сказать столько важных слов.

Она не знала, что прощание окажется последним.

– 4 –

Энн

10 марта 1947 г.

Энн проснулась еще до того, как в шесть часов прозвенел будильник. Она почти всегда открывала глаза за несколько минут до звонка. Чтобы не успеть передумать, она рывком сбросила с себя гору одеял и села, свесив ноги с кровати. Только тогда протянула руку и выключила будильник.

Энн поняла, что оставила тапочки на полу у кровати; обычно она не забывала засунуть их под одеяло перед сном. Скользнув ногами в ледяные тапочки, Энн невольно ахнула, хотя и была в теплых носках. Еще больше ее разочаровали клубы пара, вырывавшиеся изо рта вместе с дыханием.

Она надела халат, спустилась по лестнице и пошла в кухню, по пути забрав на крыльце бутылку молока – в ней звенели мелкие льдинки. Потом долго стояла перед раковиной, прежде чем включить воду. Затаив дыхание, Энн полностью повернула вентиль крана. Ничего. Трубы снова перемерзли.

Они с Милли научились всегда держать чайник полным, потому что хуже перемерзших труб может быть только отсутствие воды для чая. Энн вылила в миску немного воды, чтобы умыться и почистить зубы, поставила чайник на огонь и поспешила в туалет. Когда трубы перемерзли в первый раз, еще в январе, Милли принесла из магазина, где она работала, старинный ночной горшок. «Мистер Джолифф посадил в горшок папоротник, но растение давно погибло, и мне разрешили забрать его домой. Горшок, не засохший папоротник». Конечно, его не назовешь полноценной заменой настоящей уборной, и все же немного поступиться своим достоинством лучше, чем терпеть до самого Лондона.

Вернувшись на кухню, Энн вымыла руки водой из миски и вспомнила о завтраке. Нашедшейся горбушки черствого хлеба хватит только на два тонких ломтика, пусть они достаются Милли. Еще были остатки каши. Потребовалась всего минута, чтобы подогреть кашу, – даже чайник не успел закипеть. Не садясь за стол, Энн быстро расправилась с завтраком.

Засвистел чайник. Она залила кипятком чайные листья, которые заваривала уже дважды, и плеснула воды в кастрюлю и тарелку, из которой ела кашу. Пусть отмокает в раковине, пока Энн не вернется с работы. Чайные листья едва окрасили воду; похоже, большего от них ждать не приходилось. Энн добавила молока, и хотя вкус не стал намного лучше, горячая кружка по крайней мере грела руки.

Она пошла назад в свою комнату, нащупывая путь в темноте, потому что Милли нужно вставить лишь через полчаса; будить ее не хотелось. В холодной спальне Энн быстро оделась, выбрав самое красивое платье и кардиган. Обычно на работе она носила белый комбинезон, но сейчас он лежал в сумке, в которой они с Милли каждый понедельник отправляли миссис Коул вещи для стирки. Плата за стирку одежды и постельного белья была роскошью, однако ничего другого не оставалось, ведь и Энн, и Милли работали. Конечно, мелкие предметы одежды, а также все деликатные и дорогие вещи они стирали сами. Миссис Коул отлично управлялась с прочными тканями, а вот пуговицы и отделка вполне могли после стирки исчезнуть с платья.

Рядом со светильником на стене висело зеркало, и Энн встала перед ним с расческой в руке. В прошлом году она совершила большую ошибку – сделала челку. Прическа ей решительно не подходила, и сейчас, почти девять месяцев спустя, волосы еще не отросли. Она убрала челку со лба и закрепила пряди заколками-невидимками.

Кожа у нее стала слишком белой, а летние веснушки – они так нравились Энн! – почти исчезли. На бледном лице серо-зеленые глаза выделялись еще ярче, да и цвет волос ее совсем

не красил. Морковный – вот что это был за цвет. А мама всегда говорила, что у Энн волосы цвета засохшего абрикосового варенья.

Цвет волос, огромные яркие глаза и даже веснушки, особенно в детстве, делали Энн несчастной. В школе ее постоянно дразнили мальчишки, а некоторые девочки обходились с ней и вовсе жестоко. Даже подружки порой предлагали Энн попробовать крем для загара или краску для волос.

Один юноша сказал Энн, что считает ее симпатичной. Это было летом перед войной, вскоре после смерти мамы, и Энн ощущала себя потерянной, словно не на своем месте. Наверное, ей следовало остаться дома, а не идти на танцы. Даже Фрэнк и Милли, недавно помолвленные и раздражающе счастливые, отделились от нее. Только Джимми держался рядом весь вечер и во время последнего танца прошептал ей на ухо:

– Я думаю, ты милая. Не обижайся на мою прямооту.

Еще несколько месяцев Энн улыбалась при одной мысли об этом моменте. А потом Джимми погиб в Дюнкерке, и воспоминания стали горчить. Она знала беднягу недостаточно, чтобы оплакать как следует, и все же его добрые слова еще много лет грели ей душу. Кто-то когда-то считал ее милой. Не красивой, а милой, что куда как лучше. Compliment, сказанный из честности, а не из вежливости.

Какое-то время ей казалось, что она любит Джимми. Они писали друг другу после того, как он ушел на фронт и был отправлен во Францию, однако в письмах никогда не выходили за рамки обыденных тем вроде погоды и еды. А потом его убили. Когда Энн представилась родителям Джимми на похоронах, они не поняли, кто она такая.

Энн отвернулась от зеркала. Что толку об этом думать? Она не из тех женщин, при виде которых у мужчины подкашиваются колени, и размышления на этот счет не приведут ни к чему, кроме опоздания на работу.

Она подошла к двери в комнату Милли и тихонько постучала.

– Ты встала?

– Да. Почти, – раздался приглушенный голос.

– Поднимись с кровати, иначе опять уснешь. Не забудь сегодня отнести белье миссис Коул.

– Не забуду. Как поступим с ужином?

– У нас есть немного картофеля. Давай сделаем пирог из остатков тушеного мяса.

– Договорились. Хорошего дня!

– Тебе тоже. Ой, забыла сказать: трубы снова замерзли.

– Замечательно. Все больше поводов встать с постели.

– Сочувствую. Наверняка трубы оттают, когда солнце взойдет. Ладно, мне пора.

Она в спешке выскочила за порог, не утруждая себя сбором обеда, поскольку проще и дешевле поесть в столовой на работе. Повалил мокрый снег, а зонтика не было – ее зонт окончательно развалился еще неделю назад. Когда Энн добралась до станции, шерстяная шляпка, тоже доживавшая свои последние деньки, превратилась в бесформенную мокрую тряпку.

По крайней мере, поезда ходили, даже повезло сесть в привычный вагон. Мужчина напротив читал газету «Дейли мейл», его внимание приковали сводки футбольных матчей. Энн разглядела заголовки на первой полосе – вариации на хорошо знакомые темы: ухудшение погоды, нехватка продовольствия, коллапс экономики, волнения в Индии.

На Майл-Энд она перешла на центральную линию, но пришлось пропустить два поезда, прежде чем удалось протиснуться в вагон. Запах влажной шерсти и пота был почти невыносим. Вот что бывает, если урезать норму мыла.

Через девять остановок Энн выпрыгнула из поезда, едва он остановился на станции Бонд-стрит. Она поднялась по лестнице – эскалатор так и не починили, а может, просто сэкономили

на нем электричество – и вышла на улицу. Под колючим дождем ноги сами несли ее в ателье Хартнелла – так же, как вечером понесут ее домой.

Главный вход с Брутон-стрит предназначался для мистера Хартнелла, заказчиков и руководящих сотрудников, таких как мадемуазель Давид. Остальные заходили в здание со стороны Брутон-плейс и, обмениваясь приветствиями, устремлялись по лестницам.

Энн повесила пальто и шарф на вешалку, а шляпку оставила на радиаторе отопления, хоть и не надеялась, что она высохнет. Затем прошла по лабиринту коридоров в свой второй дом – в главную вышивальную мастерскую, где проводила почти каждый будний день последние одиннадцать лет. Все здесь было настолько знакомо, что Энн могла бы передвигаться с закрытыми глазами.

Тяжелая металлическая дверь, короткий лестничный пролет с шаткими перилами. Ряды пялец – простых деревянных подрамников с натянутыми на них полотнами ткани. В одной стене – окна высотой до самого потолка. Множество ламп, чьи электрические шнуры скручены так, чтобы направить свет в нужную сторону. На беленых стенах множество эскизов, образцов и фотографий – наброски и снимки платьев для женщин королевской семьи. Низкие столики по периметру мастерской, заставленные подносами с бисером и блестками, коробками с пуговицами и мотками шелка для вышивки.

Мисс Дьюли то и дело просила учениц и младших сотрудниц расставить все по местам, но порядок редко поддерживался дольше недели. Совсем скоро они примутся за следующий важный заказ: наряды для государственного приема, набор театральных костюмов или платья для американского покупателя – и тогда в мастерской вновь воцарится искусно организованный хаос.

Энн не беспокоилась по поводу беспорядка – она всегда знала, где найти то, что нужно. Кроме того, офис самого мистера Хартнелла тоже образцовым не назовешь. Энн бывала в той части мастерских – относила готовые образцы вышивки; стол модельера обычно покрывали книги, письма и принадлежности для рисования, а один край был отведен для рулонов ткани и кружева, таких тонких и ценных, что один ярд легко мог стоить больше, чем Энн зарабатывала за год.

В мастерскую влетела стайка девушек, они с шумом сбежали вниз по ступеням, галдя и нарушая уютную тишину.

– Смотри, Энн! Смотри! – воскликнула Рути. – Давай, Дорис, покажи ей.

– Да, покажи! – взвизгнула Этель. – Просто вытяни руку.

Энн подошла ближе, не догадываясь, что их так взволновало.

– Я не...

– Как ты не понимаешь! Дорис обручилась!

– Прекрасная новость, – сказала Энн. – Кольцо очень красивое, – добавила она, хотя успела взглянуть на него лишь мельком, прежде чем подруги окружили Дорис.

– Он спросил меня вчера, сразу после воскресного обеда с мамой и папой. Я помогала мыть посуду. Он подошел и встал на одно колено. А у меня руки еще в мыльной пене!

– Так романтично! – проворковала Рути. – Что сказала твоя мама?

– Конечно же, расплакалась от счастья. Папа тоже был рад. Джо сначала обратился за разрешением к нему. Вот чем они занимались, пока мы с мамой были на кухне.

– Когда же свадьба? Летом? – спросил кто-то из девушек.

– Думаю, да. Мама Джо осталась одна, поэтому она довольна, что мы будем жить с ней.

– Значит, из мастерской ты уйдешь? – спросила Энн, заранее зная ответ.

– Только после свадьбы. Джо хочет сразу настоящую семью, так что оставаться на работе смысла нет.

Энн могла бы возразить, но не хотела портить всем настроение. Для нее смысл работы заключался в том, чтобы идти своим путем, проводить дни за интересным занятием и сохра-

нять некоторую независимость. Когда появятся дети, Дорис будет привязана к дому на долгие годы, так почему бы ей не пользоваться свободой, пока может?

– Наверное, ты права, – вместо этого сказала Энн. – Лучше нам...

– Доброе утро, дамы! Признаюсь, я удивлена, видя вас не за работой.

– Простите, мисс Дьюли, – ответила Эдит. – Наша Дорис обручилась, и мы...

– Замечательная новость! Я очень рада за тебя, моя дорогая. Может, продолжим беседу во время перерыва?

– Да, мисс Дьюли, – хором протянули девушки.

В пятницу Энн, Дорис и Этель начали работу над платьем для заказчицы, которая переезжала за границу. Супруга заказчицы назначили на важный дипломатический пост, поэтому требовался соответствующий гардероб. Пока Дорис и Этель работали над юбкой, Энн занималась лифом. Под локтем у нее лежал рисунок мистера Хартнелла и эскиз узора, который она разработала сама. Энн была уверена, что ей удастся воплотить свою задумку на шелке: весь лиф покроют завитки из крошечных золотых бусин, полупрозрачных кристаллов и матовых блесков медного цвета, а на юбке рисунок продолжится волнами. Работа была простая, продвигалась относительно быстро, так как можно почти везде использовать тамбурный крючок.

Ей нравился ритм такой работы, потому что в голове не оставалось места ни для чего другого: протолкнуть крючок сквозь ткань, нанизать бусинку, вернуть крючок, повторять все снова и снова, останавливаясь, только чтобы свериться с набросками.

Во время перерыва на утренний чай, все, как и следовало ожидать, сидели в столовой внизу и обсуждали свадебные планы Дорис.

– Не хочу тратить купоны на платье. Думаю, получится перешить мамино.

– А когда она выходила замуж? – спросила Рути, одна из учениц. Ей было всего семнадцать, и, как положено семнадцатилетним, Рути часто витала в облаках. Впрочем, работала она старательно и со временем спустится с небес на землю.

– В 1914 году. Белый хлопок, кружевная юбка до пола. И высокий воротник. Похоже на платье, какое королева Мария надела бы на пикник.

– Твоя мама не будет возражать, если ты перешьешь платье? – спросила Энн.

– Говорит, что не против. Правда, я ума не приложу, с чего начать.

– Еще успеешь решить, – вмешалась Эдит. – А сейчас расскажи нам снова, как он сделал предложение. Он заранее как-нибудь намекал?

После чая в мастерской опять стало тихо, вышивальщицы склонились над пальцами. Раз или два яркий солнечный луч, пойманный блестящим наперстком, заставлял Энн оторваться от работы; тогда она напоминала себе, что нужно размять затекшие шею и плечи, растереть ладони и запястья, на минуту закрыть глаза и отдохнуть.

Когда в половине первого девушки пошли на обед, Энн задержалась, пообещав скоро всех догнать. Она откопала обрывок кальки и карандаш и несколькими быстрыми росчерками сделала эскиз – на перерыв отводилось всего полчаса. А через пять минут присоединилась к Дорис и остальным в столовой, чтобы съесть сэндвич и выпить чаю.

– Что это у тебя? – спросила Рути, указывая на набросок в руке Энн.

– Кое-какие идеи для платья Дорис. Не то чтобы...

– Не томи! Дай посмотреть!

Энн положила рисунок перед Дорис, теперь жалея, что не выбрала более спокойную обстановку для обсуждения.

– Вот тут, на лифе, – а на нем, вероятно, есть драпировка, – нужно будет добавить несколько выточек, а потом, если захочешь фасон посмелее, можно опустить вырез и добавить изгиб, тогда он получится...

– В форме сердца, – выдохнула Дорис.

– Как будто сам мистер Хартнелл придумал! – заметила Рути, и все дружно ахнули.

– Такого не может быть! – сказала Энн чуть резче, чем хотела. – Дело в том, что я использовала один из набросков мистера Хартнелла в качестве шаблона. Я обвела силуэт, иначе у меня не получились бы правильные пропорции.

В школе рисование ей не давалось, но во время войны Энн стала носить с собой старую тетрадь и пару карандашей, чтобы делать зарисовки. Такой способ скоротать время был дешевле, чем книги и журналы, да и глаза меньше уставали. Кое-что – например, лица и руки людей – навсегда останется за пределами ее возможностей, и все же за последние годы ей удалось создать несколько поистине удачных рисунков.

На прошлое Рождество Милли подарила ей красивый альбом для рисования из магазина, где она работала. Настоящий альбом для художников, в нежно-голубом переплете, с плотной бумагой. Только через неделю или две Энн набралась смелости, чтобы сделать в нем первый набросок, и до сих пор хранила альбом для лучших работ, как хранят лучшее платье для особых случаев. Как только появится свободная минутка, она добавит платье для Дорис в свой альбом. Может, днем в воскресенье, когда закончит с починкой одежды и другими домашними хлопотами.

– Невероятно! – выдохнула Дорис. – Так ведь? – спросила она остальных, и все единодушно признали, что эскизы Энн идеальны и Дорис в день свадьбы будет выглядеть сказочно.

Когда Энн приехала вечером домой, она все еще наслаждалась воспоминаниями о заслуженной похвале, и даже перспектива скудного ужина в холодной комнате не могла омрачить ее настроение.

– Это я, – громко сказала она, закрывая за собой дверь. – Ты дома?

– Я на кухне, – отозвалась Милли, и что-то в ее голосе заставило Энн занервничать.

Она поспешила в кухню через темную гостиную и обнаружила невестку сидящей за столом, все еще одетой в рабочее платье, с нетронутой чашкой чая.

– Что стряслось?

– Я получила письмо от братьев, – сказала Милли. – Они предлагают мне переехать к ним в Канаду.

Только тогда Энн заметила на столе вскрытый конверт авиапочты и опустилась на стул напротив Милли.

– Вы с ними не виделись целую вечность. Много лет.

– Предприятия, которые они открыли, процветают, и... Для меня найдется работа. Пишут, что в Канаде жизнь легче. Ни нормирования, ни дефицита...

– Легче? А как же холодные зимы? Там же снега выпадает в человеческий рост! А ты терпеть не можешь холода.

– Они пишут, что все не так уж плохо. Нужно только привыкнуть.

– Как ты туда доберешься? Путешествие не из дешевых...

– Мне пришлют билет.

– Вот как. Значит, ты всерьез об этом раздумываешь.

Милли подняла глаза, и Энн увидела стоящие в них слезы.

– Я не уверена... Придется оставить этот дом, свою жизнь с Фрэнком... А как же ты? Ты моя ближайшая подруга на всем белом свете. Что будет, если я уеду? Как ты будешь содержать дом?

Энн не сомневалась ни минуты.

– Нельзя принимать такое важное решение, думая о том, что лучше для меня. Со мной все будет в порядке. Правда! Дом хороший, и я уверена, что быстро найду жильца.

– А если об этом узнают? Вдруг кто-нибудь обратит внимание, что в доме, рассчитанном на большую семью, живут лишь две женщины?

– Милли! – Энн крепко сжала руки подруги. – Пока я вовремя плачу ренту, никому до нас и дела нет. В худшем случае мне пришлют уведомление, и я подыщу новое жилье.

– Тогда тебе придется оставить свой садик, а ты его так любишь.

– Люблю. Но растения не прикованы к дому цепями. Часть из них я смогу забрать с собой. Милли покачала головой.

– Все это неправильно, нехорошо.

– Ты ведешь себя неразумно. Позволь спросить, ты бы уехала, если бы не я?

– Не знаю. Думаю, что да...

– В таком случае, тебе следует принять приглашение. Конечно, я буду скучать по тебе, но для того и существуют письма. Может статься, у меня получится накопить денег и приехать в гости. Я всегда хотела увидеть Ниагарский водопад и... ну, другие удивительные места.

– Мне страшно, – прошептала Милли.

– Знаю. Однако это шанс начать все сызнова. Я не сомневаюсь, что тебе стоит решиться. Они посидели несколько минут, молча глядя друг на друга, и наконец Милли кивнула.

– Что ж, когда планируется переезд?

– Дэн и Дес пишут, что лучше дождаться лета. Так мне будет проще освоиться. Нам хватит этого времени?

– Вполне. А что насчет ужина?

– Я так и не начала готовить. Прости. Я открыла письмо, а потом...

– Не волнуйся. Сиди тут и пей свой чай, если он еще не совсем остыл, а я займусь ужином. Почему бы не включить радио? Давай послушаем новости.

За ужином и после него, сидя у огня и слушая радио, Энн старалась выглядеть бодрой и решительной. Что еще ей оставалось? Если она расклеится, Милли передумает и упустит шанс на новую жизнь. Поэтому Энн изо всех сил поддерживала непринужденную беседу, утомив и себя, и Милли рассказами о свадебных планах Дорис и не подавая виду, что каждую секунду готова расплакаться.

Когда Милли уедет, Энн останется одна, и тогда никто не увидит ее грусть, боль и одиночество. Она останется одна и будет рассчитывать лишь на свою силу воли. Хотя запас этой силы почти иссяк за десятилетие горя, тревог, голода и войны.

Она справится. Найдет квартирантку, продолжит вовремя платить за дом. Да, как-нибудь справится, а потом скоро весна, скоро оживет ее садик, станет зеленым и ярким. И она выживет.

– 5 –
Мириам
2 мая 1947 г.

Она готова.

Костюм смотрелся великолепно: идеально сидящий пиджак и пышная юбка ниже колена напоминали туалеты от месье Диора, наделавшие шуму в мире моды. Однако ее наряд был более сдержанным и скромным, поскольку здесь, в Англии, к стилю нью-лук относились настороженно из-за всех этих ограничений и купонов. Ей вовсе не хотелось вызывать у англичан чувство обделенности, напоминая о вещах, которые им недоступны.

На белоснежных перчатках ни пятнышка, туфли сияют, а элегантная плетеная шляпка из тонкой черной соломы превосходно дополняет образ. В портфолио лежат образцы ее работ, рекомендации от мастерской «*Maison Rébé*» и, что самое ценное, письмо от Кристиана Диора.

Утром после приезда, ровно девять недель назад, она составила список лучших лондонских модельеров. В этом она положила на предложения месье Диора, которые дополнила адресами, найденными в британской версии модного журнала «*Vogue*». После в высшей степени здорового и не менее отвратительного завтрака – каша и некрепкий чай – она надела приготовленные накануне вещи и отправилась покорять Лондон.

Первым в списке значилось ателье «Лашасс». Мириам не сомневалась, что ей сразу предложат место: ее навыки и опыт не вызывали сомнений, образцы работ доказывали, что она способна вышивать самые сложные узоры, а кроме того, рекомендательное письмо ей дал сам месье Диор.

Оказалось, в Лондоне это не значит ровным счетом ничего.

Дверь открыла женщина в платье, которое любая уважающая себя француженка незамедлительно отправила бы в мусорное ведро. Незнакомка не отличалась терпением и, не скрывая раздражения, переспрашивала у Мириам каждое слово.

– Я вас не понимаю. Вы в Англии, знаете ли. Советую для начала выучить английский язык.

Тут Мириам поддалась волнению. Она не могла вспомнить простейшие слова, начала заикаться и вообще выглядела очень глупо.

– Вышивальщицы нам не нужны, – наконец сказала женщина. – Вам лучше попытать удачи в другом месте.

Решив не впадать в отчаяние, Мириам направилась в «Харди Эмис» на Сэвил-Роу, второе ателье из списка месье Диора. Она подошла к служебному входу и попросила о встрече с руководителем вышивальных мастерских. Мужчина у двери ответил, что новых сотрудников они не ищут.

Следующая остановка – «Чарльз Крид» в Найтсбридже. На этот раз ее провели внутрь и обещали прислать кого-нибудь из вышивальной мастерской. Спустя почти полчаса пришла женщина, чьи выражение лица и резкий тон давали понять, что она не любит, когда ее отвлекают. Женщина не позволила Мириам даже представиться.

– У вас есть опыт обучения или работы в Англии? Нет? Тогда вы нам неинтересны.

К концу дня она получила отказы в мастерских Виктора Штибеля, Дигби Мортон, Питера Рассела, Майкла Шерарда и Бьянки Моска. Вышивальщицы нигде не требовались. До ее опыта и мастерства никому не было дела. Никто не дал возможности упомянуть рекомендацию от месье Кристиана Диора.

Мириам ретировалась в отель, села на край кровати в своем номере и час смотрела в пустоту. Когда волна паники схлынула, Мириам открыла маленькую записную книжку, куда

скопировала список модельеров от месье Диора. Только тогда она заметила, что две страницы книжки склеились, поэтому Мириам умудрилась пропустить первое имя. Норман Хартнелл. Модельер с лучшей, по словам месье Диора, мастерской вышивки в Англии. Мириам видела фотографии платьев, которые месье Хартнелл шил для английской королевы, как роскошных вечерних туалетов, так и повседневных нарядов, которые не отличались особым шиком, но изумительно подходили ее величеству. Несомненно, мастерицы месье Хартнелла смогут оценить опыт Мириам по достоинству.

После того как та грубая женщина из «Лашасс» пристыдила ее, упорствовать было глупо и безрассудно. Мириам лишь усугубила свое положение, обойдя все мастерские из списка, кроме одной. Теперь она балансировала на краю пропасти, и если оступится...

Нужно сделать шаг назад. Выделить время, чтобы поднатореть в английском языке, погрузиться в его нелепую грамматику, выучить неказистые слова. Может, тогда ей удастся побороть неуверенность, окрасившую в цвет отчаяния каждую из недолгих бесед в тот злополучный день.

Мириам пришлось достать часть денег, полученных от месье Диора, чтобы выторговать себе немного времени. Через два дня она переехала в маленький унылый пансион в Илинге, где неделя проживания стоила столько же, как одна ночь в отеле, и начала оттачивать английский. Каждый день после завтрака она отправлялась в итальянское кафе у входа в метро, покупала кофе – не в пример вкуснее, чем в «Лионе» и «Эй-би-си» – и садилась за столик. Она подслушивала разговоры посетителей, выписывая незнакомые слова, чтобы потом найти их в словаре. А по вечерам ходила в кино и в темном зале беззвучно повторяла реплики актеров, пытаясь разобраться в странных английских идиомах.

Как бы ни тяготила ее эта необходимость, Мириам везде старалась завести разговор: с другими постояльцами пансиона за завтраком, с продавцом газет на улице, с очаровательно флиртующим официантом в кафе – впрочем, у него дела с английским обстояли еще хуже, чем у Мириам. На такие практические занятия ушло больше двух месяцев, но теперь она была готова. И сегодня снова попытает счастья.

Мириам несколько раз сверялась с картой, чтобы проверить свой маршрут. Она доехала до Мейфэра, вышла на Бонд-стрит и через десять минут оказалась на Брутон-плейс. Сердце бешено колотилось, ладони под перчатками взмокли.

Найти вход в ателье Хартнелла было несложно: посреди двора стоял сияющий чистотой грузовик, в который загружали огромные белые коробки. Мужчина в белом халате осматривал и пересчитывал коробки, сверяясь с какими-то документами, и лицо его было столь серьезно, словно он отвечал за доставку сундуков с золотыми слитками. Мириам решила его не отвлекать и ждала, пока он закончит работу.

– Вот и все, – наконец сказал мужчина в белом халате водителю добрую четверть часа спустя, когда последняя коробка оказалась в кузове. – Можете выезжать.

Мириам подошла к мужчине, прежде чем он успел войти в здание.

– Прошу прощения...

– Что вы хотели? – Он хмуро оглядел ее с головы до ног. – В торговый зал можно войти с Брутон-стрит, – добавил он чуть более учтиво.

– Я хотела бы встретиться с руководителем вышивальных мастерских.

– С какой же целью?

– Я ищу работу. У меня есть рекомендательное письмо от месье Кристиана...

– Вам придется действовать по-другому.

– Хорошо, и как же? – спросила Мириам, начиная нервничать.

– Знать не знаю, но первого встречного здесь на работу не возьмут. – С этими словами он шмыгнул в открытую дверь и захлопнул ее перед носом Мириам.

Паника схватила ее за горло, сжала сердце, затопила разум. Что же делать, что делать, что делать? В списке месье Диора больше не осталось модельеров. Некуда идти. Кроме вышивки, ничего другого она не умеет.

Мириам повернулась, готовая бежать куда глаза глядят, и увидела свое отражение в окне. Мужчина в белом халате принял ее за клиентку месье Хартнелла. Пусть лишь на минуту, но этого может оказаться достаточно.

Она дошла до конца Брутон-плейс, свернула за угол и зашагала обратно по Брутон-стрит – высоко держа голову, расправив плечи, выпрямив спину. Она вспомнила, как ей это удавалось раньше. Если смогла сохранять хладнокровие, подавая милиции поддельный паспорт, то сможет и спокойно войти через парадную дверь в ателье лондонского модельера. У нее получится.

Крыльцо представляло собой грандиозное сооружение из зеленого малахита и сверкающего стекла, пышной отделкой не уступая ателье лучших парижских дизайнеров, которые Мириам видела на улице Фобур-Сент-Оноре. Возникший из ниоткуда лакей проводил ее внутрь, и она остановилась, заставив себя застыть, будто бы окидывая зал оценивающим взглядом. «Современно, – подумалось ей, – роскошно, элегантно и при этом сдержанно». Почти все вертикальные поверхности были покрыты зеркалами, лишь несколько голых стен выкрашены в прохладный серо-зеленый цвет молодых листьев лаванды.

К Мириам подошла красиво одетая женщина с приветливой улыбкой.

– Доброе утро. Чем я могу вам помочь?

– Доброе утро. Я бы хотела видеть месье Хартнелла.

В глазах женщины читалось удивление, но улыбка не покинула ее лица.

– Конечно. Могу я поинтересоваться...

– Мадемуазель Дассен. Мой друг, месье Кристиан Диор, рекомендовал мне по прибытии в Англию нанести визит месье Хартнеллу.

Не совсем правда, но и не наглая ложь.

– Ах вот оно что. – Взгляд женщины скользнул по лестнице, ведущей наверх.

– Мне туда? – спросила Мириам и, не дожидаясь ответа, направилась к лестнице через фойе.

– Да, конечно, мисс...

– Дассен.

– Да. Мисс Дассен. Не могли бы вы подождать, пока я переговорю с секретарем, и тогда...

Мириам начала подниматься по ступенькам.

– Ожидание меня не затруднит.

– Может, вы хотите сесть и подождать внизу...

– Не волнуйтесь. Я уверена, месье Хартнелл будет рад меня видеть.

Когда они дошли до второго этажа, женщина обогнала Мириам, шагая настолько быстро, насколько позволяли туфли на высоких каблуках.

– Прежде мне нужно поговорить с миссис Прайс, чтобы она...

Они стояли у дверей офиса. Мириам заглянула в кабинет.

– Похоже, миссис Прайс нет на месте.

– Да, похоже на то. Не могли бы вы подождать здесь, пока я найду ее?

– Безусловно.

На другом конце кабинета миссис Прайс была открыта дверь. Мириам увидела мужчину, разговаривавшего по телефону, и, хотя обещала ждать в коридоре, неожиданно для себя самой решительно направилась к открытой двери. Табличка на стене гласила:

«Не входить без специального разрешения миссис Прайс!»

Теперь Мириам была уверена, что за дверью кабинет месье Хартнелла. Когда он закончит телефонный разговор, она постучит и спросит позволения войти. Если она дождется миссис Прайс, та может и не пустить ее к месье Хартнеллу, а то и вовсе выставить на улицу.

Ей представился шанс. Последний шанс.

Мириам постучала.

За огромным письменным столом сидел мужчина с тлеющей сигаретой в левой руке и карандашом в правой. На вид ему за сорок – рыжеватые волосы на висках поседели. Его костюм скроен безупречно.

– Здравствуйте. Месье Хартнелл? – спросила Мириам.

– Здравствуйте. – Он поднял на нее глаза и улыбнулся. – На вас прекрасный ансамбль!

– Благодарю. Я прошу прощения, миссис Прайс не оказалось на месте...

– Ясно. Проходите, садитесь.

Она вошла в комнату, обставленную с не меньшим вкусом, чем остальные, и села на краешек стула.

– Меня зовут Мириам Дассен, последние годы я работала вышивальщицей в мастерской «*Maison Rébé*». А еще у меня есть рекомендательное письмо от месье Кристиана Диора.

Втайне радуясь, что ей удалось унять дрожь в руках, Мириам достала письмо из портфеля и протянула месье Хартнеллу. Она вдруг осознала, что он может не понимать по-французски. Однако заметив, как меняется выражение его лица по мере чтения, Мириам догадалась, что по крайней мере общий смысл он разобрал.

– Очень лестная рекомендация.

– Я принесла образцы своих работ, и если вы...

– Буду рад их увидеть.

Мириам сшила края лоскутов ткани, чтобы получилась книжка. Месье Хартнелл, предусмотрительно держа сигарету подальше от образцов, склонился над вышивками, внимательно разглядывая и лицевую сторону, и изнанку. Мириам затаила дыхание. Так близко, так близко! Месье Хартнелл определенно в состоянии оценить мастерство вышивальщицы, но достаточно ли мастерства у Мириам?

– Вы исключительно талантливы, мисс Дассен. Ваши работы изумительны. Я буду глупцом, если не найму вас.

Тиски страха, привычно сжимавшие грудь, немного ослабли.

– Спасибо, месье Хартнелл!

– Миссис Прайс! – позвал он.

В дверях показалась невысокая женщина средних лет в платье с корсажем.

– Слушаю, мистер Хартнелл.

– Не могли бы вы позвонить мисс Дьюли? Попросите ее зайти ко мне. Хочу представить ее новой работнице.

Мириам очень хотелось что-нибудь сказать, но она боялась за свой английский. Вдруг из-за ее слов месье Хартнелл передумает? Так что она сидела, выпрямив спину и боясь шелохнуться, и наблюдала, как он снова просматривает образцы работ, то и дело одобрительно кивая и затягиваясь сигаретой.

Вернулась миссис Прайс:

– Я говорила с мисс Дьюли. Она не может сейчас прийти. Сказала что-то про ножницы, оставленные на пятаках.

– Что ж, так тому и быть. Отправимся прямо в логово дракона. – Он вернул Мириам образцы, затем встал, затушил сигарету в тяжелой хрустальной пепельнице и обошел стол. – Если вы не против, мисс Дассен, возьмите свои вещи и следуйте за мной.

Мастерские Хартнелла представляли собой несколько зданий, соединенных между собой переходами. Мириам проследовала за месье Хартнеллом по нескольким коридорам, поднялась

и спустилась по трем лестницам – и поняла, что вряд ли смогла бы самостоятельно найти выход. Наконец они подошли к тяжелой металлической двери, с которой местами отслоилась краска. Месье Хартнелл распахнул ее и взмахом руки пригласил Мириам войти.

Им предстояло спуститься по еще одной лестнице. Внизу находилась большая комната: помимо солнечного света, льющегося из окон, мастерская освещалась множеством электрических ламп. Вдоль комнаты тянулись два ряда пялец на козлах, но большинство вышивальщиц столпились вокруг одной подставки в дальнем углу. Одна молодая работница тихонько всхлипывала в скомканный носовой платок, а другая поглаживала ее по плечу, утешая. Большинству девушек было чуть за двадцать, как и Мириам, но она заметила несколько совсем юных особ и пару женщин заметно старше.

Хотя при виде месье Хартнелла все, кто сидел, вскочили на ноги, перемены настроения в мастерской не наблюдалось. На лицах вышивальщиц не было ни следа тревоги, они терпеливо ждали, когда месье Хартнелл объяснит цель своего неожиданного визита.

– Не отвлекайтесь, не отвлекайтесь. Мне нужна лишь мисс Дьюли на пару слов.

От группы в углу отделилась женщина лет пятидесяти, явно смущенная происходящим. Ее волосы были гладко зачесаны назад и стянуты в пучок, а строгость черного платья смягчал лишь простой белый воротник.

– Сожалею, что вам пришлось идти сюда, сэр. – Она говорила непринужденно, их с месье Хартнеллом явно связывает давняя дружба. – У нас буря в стакане воды. Одна девушка оставила ножницы на пяльцах. Вышивка повреждена, однако ее легко восстановить. Виновница заверила меня, что больше не допустит подобной беспечности.

– Ничего-ничего. Все мы совершаем ошибки.

– Вы хотели меня кому-то представить? – спросила мисс Дьюли.

– Ах да, это мисс Мириам Дассен, она недавно приехала из Парижа. Я имел удовольствие посмотреть ее работы, и они превосходны. Поистине изумительны.

Мисс Дьюли окинула Мириам оценивающим, но не враждебным взглядом и вновь повернулась к месье Хартнеллу.

– Весьма кстати, поскольку несколько девушек намерены летом выйти замуж и оставить работу. Как скоро вы сможете приступить, мисс Дассен?

Всего-то? Неужели так просто?

– Может быть, в понедельник? – отважилась Мириам. – Видите ли, я скучаю по работе, и...

– Отлично. Приходите в половине девятого, мы вас устроим. Вам нужно подойти к служебному входу на Брутон-плейс. Скажите, что вы наняты в мастерскую вышивания, кто-нибудь покажет вам дорогу.

– В понедельник утром, в половине девятого. Спасибо! – Мириам обратилась к месье Хартнеллу, чье лицо теперь выражало крайнее удовлетворение. – Благодарю вас от всей души. Надеюсь, вы простите мое вторжение...

Он покачал головой, отмахнувшись от извинений.

– Я рад нашему знакомству. Добро пожаловать! Мисс Дьюли, полагаюсь на вас.

– Конечно, сэр. – Они молча проводили взглядами месье Хартнелла, а затем внимание мисс Дьюли привлекли ее работницы, никто из которых не вернулся к своим вышивкам. – До половины первого осталось всего несколько минут. Почему бы вам не пойти на обед прямо сейчас? Энн, будь добра, задержись на минутку.

К ним приблизилась девушка, которая утешала младшую подругу. Ее красивые золотисто-рыжие волосы были строго зачесаны назад, а платье скроено так же хорошо, как и у мисс Дьюли. Однако его темно-коричневый цвет девушку совсем не красил, делая цвет лица нездоровым и подчеркивая бледные веснушки.

– Мисс Дассен, это мисс Хьюз. Одна из старших вышивальщиц. Думаю, вы приступите к работе под ее началом.

– Добро пожаловать к Хартнеллу, мисс Дассен. – Энн улыбалась спокойно и приветливо.

– Благодарю. Мисс Дьюли, не хотите ли вы взглянуть на образцы моих работ?

– С удовольствием. Если мистер Хартнелл заинтересовался, ваши работы, должно быть, очень хороши. – Она приняла у Мириам книжку из лоскутов ткани и положила на край ближайшей рамы с пяльцами. – Энн, ты только посмотри, – сказала она мгновение спустя с благоговением в голосе. – Посмотри на эти узоры.

– Они прекрасны. Действительно, прекрасны. Где вы учились? – спросила Энн.

– В «*Maison Lesage*».

Мисс Дьюли кивнула, не отрывая глаз от образцов.

– А во время войны вы?..

– Работала в «*Maison Rébé*». Ателье не закрылось. Хотя времена были трудные.

Мириам надеялась, что мисс Дьюли не станет продолжать расспросы. О военных годах сложно даже думать, не то что говорить. О том, как скрывалась у всех на виду, как она лгала ежеминутно, как перехватывало дыхание каждый раз, когда нужно было проходить досмотр или стоять в очереди за хлебом.

– Не сомневаюсь, что вам пришлось нелегко, – ответила мисс Дьюли. – Мы здесь любим сетовать на невзгоды во время войны, но нам, по крайней мере, не пришлось жить под властью нацистов. Хорошо, что все кончилось.

Мириам кивнула. Судорожно сглотнула, пытаясь придумать фразу, которая не вызовет дальнейших вопросов.

– Что касается вашей платы. Большинство девушек начинают подмастерьями, однако ваши навыки значительно лучше. Думаю... почему бы вам не начать младшей вышивальщицей? Тридцать пять шиллингов в неделю.

– Благодарю вас. Это очень щедро.

– Мы работаем с понедельника по пятницу, начинаем в половине девятого, заканчиваем в пять. Иногда приходится задержаться, например, когда нужно доделать срочный заказ. Внизу есть столовая; перерыв на чай в первой половине дня, обед в половине первого и снова чай ближе к вечеру. В мастерской нельзя курить, вам не следует пользоваться румянами и помадой, ногти нужно стричь коротко. Можете носить рабочий комбинезон, если он у вас есть, впрочем, подойдет и обычная одежда. Я бы посоветовала вам одеваться опрятно, но... – Тут она махнула рукой в сторону Мириам. – Взгляните на себя. Если бы я не знала правды, я бы решила, что вы пришли на примерку наряда.

– Вы мне льстите.

– Вы поступили очень хитроумно, пройдя прямо к мистеру Хартнеллу. Миссис Прайс рассказала мне по телефону.

– Уверю вас, я никого не хотела обидеть.

Мириам приготовилась к выговору за своеволие. Вместо этого мисс Дьюли искренне улыбнулась, в ее глазах плясали озорные искорки.

– Никто и не обижен. Что ж, теперь мне нужно успеть пообедать до возвращения девушек. Энн, вы проводите мисс Дассен к выходу?

– Конечно.

Они отправились назад по тому же лабиринту коридоров и вышли на Брутон-плейс.

– Вы далеко живете? – спросила Энн.

– В Илинге, на Центральной линии.

– Значит, рядом. Увидимся в понедельник.

Они обменялись рукопожатием, и Мириам зашагала по улице под теплым полуденным солнцем. Ее глаза горели, руки дрожали из-за вдруг нахлынувших, давно позабытых чувств –

радости и облегчения. Облака рассеялись, небо засияло чистой лазурью, и в воздухе витала весна.

Наконец-то вопреки всему снова пришла весна.

– 6 –
Хизер
14 мая 2016 г.

Родители Хизер не стали устраивать для Нэн традиционные похороны, чем немало шокировали друзей и соседей. Решено было обойтись без похоронной процессии, поминальной службы и пышных званных обедов.

– Она говорила, мы с Джимом не должны потратить на прощание с ней ни одного лишнего цента, – объясняла всем мама Хизер. – Когда я спросила, чего бы она сама хотела, Нэн велела сделать из нее кучу компоста.

Поскольку власти вряд ли одобрили бы такой оригинальный способ захоронения, выбрали самый дешевый вариант – кремировать тело, а прах положить в простой деревянный ящик.

– Нэн выбрала бы картонную коробку, но когда я сказала об этом в похоронном бюро, его владелец чуть в обморок не упал.

В итоге сосновый ящичек с прахом пока стоял на каминной полке. «Как только зацветут пионы, развеем прах в саду».

Родители Хизер собрали друзей Нэн у себя дома. Угощали кофе с шотландскими сконами и домашним печеньем. Мама Хизер поблагодарила всех собравшихся, а отец продекламировал стихотворение о том, что человек, умирая, просто выходит в соседнюю комнату. Слушая его, люди улыбались сквозь слезы и кивали в знак согласия, а вот Хизер стихи совершенно не тронули. Она почему-то думала, что бабушка была бы с ней солидарна.

Зато истории, которые люди в тот день рассказывали о Нэн, можно было слушать вечно. Когда у кого-то из друзей родился ребенок или умирал близкий человек, Нэн всегда приходила первой – с домашней едой и цветами из своего сада. Она бесплатно учила английскому языку мигрантов, развозила продукты беднякам, работала волонтером в больнице, собирала вещи для нуждающихся, а в конце семидесятых укрывала в своем доме целую семью беженцев из Вьетнама.

Семья Нгуен съехала еще до рождения Хизер, но она знала, что Нэн все эти годы поддерживала с ними связь. Их младший сын, ставший врачом, прилетел из Монреаля, чтобы отдать дань уважения умершей.

– Всякий раз, когда мы пытались ее отблагодарить, – рассказывал он Хизер и ее родителям, – она говорила, что знает, каково переехать в другую страну и начинать все с чистого листа.

Хизер позже вспомнила слова доктора Нгуена, когда мыла посуду, и задумалась о том, как бабушке пришлось начать жизнь с нуля. Конечно, всем известно, что Нэн родом из Англии и что после войны она переехала в Канаду из своего родного городка где-то под Лондоном. Даже если бы Нэн это скрывала, акцент выдал бы ее с головой.

Проводя много времени у бабушки, жившей буквально в соседнем доме, Хизер никогда не видела ни фотографий своего деда, ни других снимков из Англии. В детстве она несколько раз спрашивала об этом Нэн, но та всегда уходила от ответа.

Мама тоже не знала о прошлом Нэн.

– Знаешь, они все такие. Те, кто прошел через войну.

– Из-за пережитых ужасов, да? – Хизер училась в старшей школе, и на уроках истории им рассказывали о мировых войнах.

– Наверное. А еще потому, что здесь они начали новую жизнь. Вдали от воспоминаний о том, что потеряно навсегда. Можно понять, почему Нэн не хочет об этом говорить.

Вытирая фарфоровую чашку из праздничного сервиза, Хизер украдкой взглянула на мать. Та держалась стойко, несмотря ни на что. Впрочем, мама всегда умела хранить невозмутимый вид.

– Как ты? Я сама домою посуду. Присядь, отдохни.

– Все хорошо, дорогая. Я догадывалась, к чему все идет. Знаешь, часть меня благодарна. Не за утрату Нэн, конечно, а за то, что она оставалась собой до самого конца. Она видела, в каком состоянии уходили из жизни ее друзья, и боялась такого конца.

– Как у миссис Джексон из дома напротив.

– Да, верно. После ее похорон мама требовала, чтобы я задушила ее во сне подушкой, если она станет такой же, как бедняжка Марта Джексон. Я бы, конечно, не сделала ничего подобного, но прекрасно понимала ее чувства. Вот почему мы не обратились к врачам, когда Нэн заболела. Тебя это расстроило, когда мы говорили тем утром, и все же...

– Я понимаю, мам, правда. Вы поступили правильно.

– Рада это слышать. Ой, все время забываю сказать. Я тут нашла кое-что, разбирая вещи Нэн, которые хранились у нас в подвале после ее переезда.

– И что же ты нашла? – с любопытством спросила Хизер. – Надеюсь, не очередную коробку пряжи из магазина Нэн? Среди моих подруг вяжет только Сунита, и запаса ниток ей хватит на сто лет вперед.

– Не угадала. Там всего лишь несколько лоскутов ткани, вышитых бисером. На коробке написано твоё имя, поэтому, видимо, Нэн хотела передать их тебе. Подожди, я принесу.

Хизер опустила на ближайший стул и прикрыла глаза. Надо бы встать и вытереть столешницу.

– Вот, смотри. – Мама поставила на стол большой пластиковый контейнер. Черным маркером на крышке рукой Нэн написано «Для Хизер».

Хизер придвинула к себе контейнер и сняла крышку. Внутри лежала свернутая ткань. Хизер недоуменно взглянула на мать, а потом отогнула уголок верхнего слоя ткани.

Перед ней появилась роза. Конечно, не настоящая. Лепестки из плотного белого атласа были пришиты к лоскуту тонкой, почти прозрачной ткани. Каждый лепесток был окаймлен рядом мелкого жемчуга и крошечными стеклянными бусинами – они весело сверкали в ярком свете кухонных ламп.

Хизер вытерла дрожащие руки о штаны для йоги, вдруг вспомнив слова Нэн: изящные вещи можно трогать только чистыми руками. Края ткани были обработаны как у дорогого шелкового платка, а в нижнем углу виднелась монограмма, вышитая нитками лишь на один тон темнее ткани.

– П. Е. – прошептала Хизер. – Кажется, тут вышиты буквы П и Е.

Затаив дыхание, она подняла вышивку, чтобы лучше рассмотреть, и увидела под ней еще один слой ткани. Под обрезом белого хлопка обнаружилась другая вышивка – три атласных цветка, похожих на звезды, тоже украшенных жемчугом и бусинами. Под ними лежал третий узор, на этот раз в виде пшеничных колосьев, зернышки на которых были сделаны из рисового жемчуга. А под ним – фотография.

– Погоди, я ее раньше не видела, – сказала мама.

– Что это за снимок?

– Пока не пойму... На обороте что-то написано. Мамин почерк. «Лондон. Октябрь 1947 года. В ожидании ЕВ».

На фотографии двадцать две молодые женщины сидели за одним из четырех длинных узких столов в большой светлой комнате с высокими потолками, все одетые в белые халаты и фартуки поверх винтажных платьев. Хизер вдруг осознала: в то время, когда был сделан снимок, такие платья еще не стали винтажными, тогда их носили все.

– Кто это? – спросила она.

– Думаю, швеи. Точнее, вышивальщицы. Посмотри на столы. На самом деле это большие рамы для вышивания. Я видела такие в кабинете кружка по лоскутному шитью, – объяснила мать. – Ткань натягивается на подрамник, и на нее нашивают бусины, пайетки и все такое.

Хизер вглядывалась в снимок, ища в лицах знакомые черты. Ее внимание привлекла одна девушка: светлые волосы уложены набок, взгляд серьезный и хмурый. «Она как будто встревожена, – подумала Хизер, – словно боится делать фото».

– Эта девушка у окна...

– Знаю. Думаю, это мама. Моложе, чем когда я родилась, но, кажется, это она. Только вот...

– Что?

– Что-то не сходится. Маме нравилось работать руками, ты знаешь, она любила вязать, но шитьем и вышивкой она никогда не занималась.

– Разве в те времена не всех учили шить?

– Да, всех учили простым вещам, например, как заштопать носок или связать шарф. Такая работа, – она кивнула на вышивки, – совсем другое дело. Чтобы научиться так вышивать, нужны многие годы.

– Думаешь, это вышивала не наша Нэн?

– Честно говоря, даже не знаю. Она точно мне ничего такого не рассказывала. С другой стороны, вот же фотография...

Хизер не могла оторвать глаз от юной Нэн на снимке.

– Почему она все бросила и приехала сюда?

– Я всегда считала, что за океан ее привела глубокая скорбь. Из-за смерти моего отца, а до него – брата Нэн. Кажется, она как-то упомянула, что ее родители умерли еще до войны. Она осталась совсем одна, если не считать Милли, невестки. Она-то и переехала в Канаду первой.

Что ж, звучало логично. Нэн хотела начать все сначала, сбежать от потерь и послевоенной разрухи, поэтому эмигрировала. Вот почему она никогда не говорила о жизни в Англии – воспоминания доставляли боль. И все же...

– Если она хотела оставить прошлое позади, зачем взяла с собой вышивки? – задумчиво проговорила Хизер. – Почему не показывала их нам? Зачем написала мое имя на контейнере?

– Понятия не имею. Возможно, собиралась передать их тебе однажды, да позабыла.

– Как же мне с ними поступить?

– Я надеялась, ты сможешь что-нибудь разузнать. Когда на работе станет посвободнее. Сядешь однажды перед компьютером, покопаешься хорошенько...

– Я попробую.

И все же... Хотя бабушка ничего не рассказывала о своей жизни до приезда в Канаду, она не из тех, чье прошлое полно страшных тайн. Это же Нэн, открытая, добрая, щедрая, хорошая подруга и соседка. К таким людям привыкаешь и воспринимаешь как должное, пока однажды не приходится с ними прощаться.

Если Нэн хранила какие-то секреты, на то была причина. Зачем теперь ворошить прошлое? Вдруг в поисках ответов Хизер обнаружит что-то неприятное?

– Я слышу, как заскрипели винтики в твоей голове, – пошутила мама. – Давай-ка мы все это уберем и пойдем спать.

– Хорошо. Я все думаю... Нэн хотела бы, чтобы я рылась в ее жизни?

– Ох, милая. Если бы знать наверняка! Возможно, написав твое имя на контейнере, она хотела тебе что-то сказать, к чему-то подтолкнуть.

– Может, и так.

Нэн никогда не отвечала на вопросы. Однако, судя по всему, она не против, чтобы Хизер нашла ответы самостоятельно.

– 7 –

Энн

10 июля 1947 г.

Месяц назад Милли отбыла в Канаду. Уже через пару дней после ее отъезда Энн поняла, что ненавидит жить одна. Нет, она всегда была независимой и не нуждалась в постоянной компании. Дело в другом.

Без Милли дом опустел. Стал неуютным. Энн больше не с кем поделиться мелочами, которые сами по себе не имеют особого значения, но вместе составляют канву ее жизни: интересный человек, которого она видела в метро, разговор с мистером Бутом о выращивании сладкого горошка и об изнурительной тропической жаре, стоявшей в Лондоне, новая песня, услышанная по радио.

Энн становилась все более одинокой и все более бедной: самой платить ренту за дом ей было не под силу. Когда Милли назначила дату отъезда, Энн расспросила девушек на работе, однако те, кто хотел с ней жить, отказались переезжать в Баркинг. Их пугала мысль о том, чтобы жить в пригороде, вдали от городских огней, веселья и танцев.

Оставалось только дать объявление в газету: *«Ищу квартирантку. Рента 15 шиллингов в неделю. Отдельная спальня, меблированная. Дружелюбная соседка. Обращаться к Э. Хьюз, г. Баркинг, Морли-роуд, 109».*

Энн тем не менее колебалась. Объявление может увидеть кто-то из городского совета, или какой-нибудь любопытный сосед растрезвонит, что она ищет квартирантку, и тогда Энн окажется на улице, как только получит уведомление о выселении.

С другой стороны, вдруг она не поладит с новой соседкой? Настолько, что станет неохотно возвращаться домой по вечерам? Несправедливо будет просить квартирантку съехать из-за того, что она скучная, глупая или не моет за собой посуду. Чавканье за едой тоже не основание для выселения. Увы, узнать человека в быту можно, только пожив с ним какое-то время, а занять свободную комнату пока никто не стремился.

Так что ей нужно решиться.

Сегодня вечером, когда поедет домой, она сойдет на одну остановку дальше, в Апни, и подаст объявление в ближайшем газетном киоске или почтовом отделении. И станет просматривать объявления о поиске жилья в «Дагенхем пост». Она сможет откликнуться сама и избежит возможной огласки.

«...королева объявляет о помолвке...»

Энн уронила в раковину чашку, которую мыла, и побежала в гостиную сделать радио погромче. Неужели умудрилась пропустить?

«...с лейтенантом Филиппом Маунтбеттеном, сыном покойного принца Андрея Греческого и принцессы Алисы, урожденной Баттенберг, на союз с которым король с радостью дал свое согласие. Ранее официальное сообщение о помолвке поступило из Букингемского дворца. Никакой дополнительной информации пока не предоставлено. Переходим к другим новостям...»

Как хорошо, что Энн включила радио, спустившись завтракать. Королевская помолвка, королевская свадьба! В последний раз такое событие случилось... и не припомнить. Может, свадьба герцога Глостерского задолго до войны?

Милли сейчас закатила бы глаза, осуждая Энн за то, что ей интересна свадьба незнакомых людей. С принцессой Елизаветой она действительно никогда не встречалась. Зато Энн имела честь приветствовать реверансом королеву, когда незадолго до войны ее и других деву-

шек пригласили в Букингемский дворец. Королева была так дружелюбна, так любезна и добра ко всем, что сразу покорила сердца юных вышивальщиц.

Королевская семья пострадала от войны так же, как и все. Дворец неоднократно попал под бомбежки, а родной брат короля погиб на фронте. Принцесса заслужила настоящую свадьбу в Вестминстерском аббатстве: с красивой музыкой, цветами и украшениями, подружками невесты и великолепным платьем. Конечно, в правительстве пойдут навстречу. Не может быть, чтобы серьезные чиновники из Уайтхолла настаивали на соблюдении директив строгой экономии.

Еще лучше, если платье закажут у мистера Хартнелла.

Энн вдруг так разволновалась, что просто не могла дальше сидеть в своей унылой кухне и есть свой унылый кусок хлеба с маргарином и каплей водянистого джема. Сегодня она забудет о бережливости. Она сядет на ранний поезд, выйдет на Бонд-стрит и позавтракает чем-нибудь вкусным в кафе. Еще она купит газету, чтобы не пропустить ни одной подробности о помолвке, и придет на работу пораньше. Если появятся новости о заказе платья, мисс Дьюли узнает первой, а Энн будет рядом.

Она вышла из дома на полчаса раньше и всю дорогу до станции почти бежала, остановившись, только чтобы купить газету «Дейли мейл». На первую полосу поместили фотографию принцессы, сделанную накануне вечером. Снимок вышел расплывчатым, но Энн узнала платье для поездки по Южной Африке. Над которым она работала.

Почти всю первую страницу занимала статья о помолвке – то есть обручении, как это называли в газете. Большая часть подробностей представляла собой догадки и домыслы, поскольку в прессу не поступало никаких официальных заявлений, кроме того, что Энн слышала по радио. Приводилась пара деталей из биографии лейтенанта Маунтбеттена: он приходился принцессе очень дальним родственником, во время войны удостоен награды за доблесть.

Энн изрядно проголодалась, пока дошла до «Корнер-хаус», поэтому угостила себя яйцом всмятку, пышками с маслом и чаем в маленьком чайнике. Вышло на шиллинг и двадцать пенсов – невероятных размеров сумма для одного завтрака, однако Энн уже многие месяцы, а то и годы не позволяла себе таких маленьких легкомысленных удовольствий. Она не отказалась бы от заказа, даже будь он вдвое дороже.

В четверть девятого она уже стояла в гардеробной, переодевшись в белый комбинезон, и с улыбкой смотрела на подруг – все как одна пришли на работу пораньше, подпрыгивая от возбуждения. Девушки тараторили так, что Энн едва могла понять, кто что говорил.

– Помните? Весной, когда он отказался от своего титула и стал британцем? Газеты писали, что со дня на день объявят о помолвке.

– Я где-то читала, что король не хотел давать разрешение на брак, пока ей не исполнится двадцать один год.

– Это ведь было еще в апреле. Почему же так долго тянули?

– Он служит во флоте. Может, пришлось ждать увольнения?

Последнее предположение было встречено дружным смехом.

– Сомневаюсь. Король решил бы эту проблему мановением руки.

– А я думаю, они обручились давно, – заявила Энн. – И держали все в секрете, потому что хотели оставить помолвку чем-то личным, только для двоих. А теперь им нужно делиться со всем миром.

– Звучит правдоподобно.

– Мы забыли про самое важное! Интересно, платье закажут у мистера Хартнелла?

– Королева ему благоволит. По крайней мере, для нее свадебное платье шили мы.

– У кого же еще заказывать платье, как не у мистера Хартнелла? К нему обращаются все знатные невесты. Для принцессы Алисы тоже платье делал он. А это была последняя свадьба в королевской семье.

– Да, но уже больше десяти лет прошло. Для поездки по Южной Африке часть нарядов, например, сшил Эдвард Молино.

– Только потому, что одежды требовалось много. За важными нарядами идут всегда к мистеру Хартнеллу.

– А вдруг принцесса Елизавета захочет платье от Диора?

– Нет. Английская принцесса выберет английского модельера, – отрезала француженка Мириам. Хотя Энн в последнее время работала с Мириам бок о бок, она не могла сказать, что хорошо знает новую сотрудницу. Однако рассуждала Мириам верно: и королева, и принцесса Елизавета предпочтут наряды от английских домов моды.

– Королева точно обратится к мистеру Хартнеллу. Новости появятся со дня на день.

Энн взглянула на часы – половина девятого.

– Девушки, нам пора. Мисс Дьюли хватит удар, если она увидит нас за болтовней.

Все еще галдя наперебой, они вошли в мастерскую. Мисс Дьюли уже их поджидала.

– Девушки, девушки! Вы как стая сорок! Понимаю, новости весьма волнующие, но пока нам ничего достоверно не известно. Вы же знаете, что говорят о подсчете цыплят.

– Я думаю, это до смерти романтично! – вырвалось у одной из самых юных работниц. – Вы видели его фотографии? Он похож на греческого бога!

– На греческого принца уж точно, – процедила мисс Дьюли. – А вам всем нужно успокоиться и отложить мечты о королевской свадьбе до вечера. От недостатка работы мы, как известно, не страдаем.

Энн подошла к своим пяльцам, чувствуя душевный подъем. Они с Мириам заканчивали прекрасную вышивку на платье для жены нефтяного магната из Америки, однако сегодня перед Энн стояла довольно простая задача – добавить блески и жемчуг на старинное французское кружево, которым заказчица попросила мистера Хартнелла выполнить отделку лифа для коктейльного платья.

Энн натянула на раму кружево, основой для которого служила тонкая шелковая тафта, затем рассортировала жемчуг и блески в подносе для бисера, чтобы их было удобно набирать на тончайшую иглу. И погрузилась в работу на час или даже больше, ни на мгновение не отвлекаясь от ткани перед собой и капелек росы на лепестках цветов. Только когда пальцы свело судорогой, а глаза стали слезиться, она оторвалась от работы и глубоко вздохнула.

– Доброе ли утро? – Мисс Дьюли следила за тем, чтобы девушки – особенно ученицы и младшие вышивальщицы – сосредоточились на работе, а не на беседах о помолвке принцессы. Сейчас она стояла рядом с Энн.

– Очень доброе! Он получил звонок? – Мистер Хартнелл всегда был для Энн «Он», с прописной буквы. Он действительно пользовался большим уважением среди своих сотрудниц, как бы подобострастно это ни выглядело.

– Еще нет. Насколько я знаю. – Мисс Дьюли понизила голос, чтобы ее не слышали другие девушки. – Но я уверена, из дворца позвонят не сегодня завтра. Он уже сел за эскизы.

– А вдруг обратятся к кому-нибудь другому?

– Я бы сильно удивилась. Мне доподлинно известно, что королева осталась очень довольна платьями для Южной Африки. Когда они выберут фасон, мистер Хартнелл попросит несколько образцов вышивки, чтобы показать их королеве и принцессе Елизавете. Нужно будет убедиться, что узоры их полностью устроят. Разумеется, я поручу разработку вам.

Энн улыбнулась и кивнула, стараясь не подавать виду, как обрадовали ее слова мисс Дьюли. Будь ее воля, Энн пустилась бы в пляс по мастерской. Ей поручат придумать узоры! Ее работу представят принцессе! От счастья щемило в груди.

– Я так понимаю, вы довольны?

– Очень, – призналась она. – Благодарю вас! Я не подведу.

– Даже не сомневаюсь. Еще один вопрос, пока выдалась минутка затишья... Что вы думаете о Мириам? Как у нее идут дела?

– Отлично. Нечасто приходят работницы, которые уже умеют выполнять столь сложные вышивки.

– Рада слышать. Если мы получим заказ, я бы хотела оставить ее под вашим началом. Возможно, не все проявят понимание. В ком-то может проснуться зависть. Доверяю вам присматривать за девушками, следить за настроениями, так сказать.

– Конечно.

– Работы будет много. По крайней мере, я так думаю. Над свадебным платьем захотят работать все.

Энн кивнула. Безусловно, так и будет.

– Ладит ли Мириам с другими девушками? Она молчалива, – продолжила мисс Дьюли.

– Ладит, однако...

– Неужели у нее проблемы с английским языком?

– Думаю, она просто застенчива. Замкнута. И немного подавлена. Я чувствую, ей в войну пришлось нелегко.

– Как и всем нам, верно?

Энн перешла на шепот.

– Не так, как ей. Впрочем, я могу ошибаться. Мы ничего такого не обсуждали.

Энн знала, что не ошиблась. Если война ее чему и научила, то это как распознать следы горя.

– Тогда присмотри за ней. Не позволяй Мириам сидеть в столовой отдельно от остальных. Дай мне знать, если возникнут разногласия.

– Обязательно.

– Когда рассчитываешь закончить с этим кружевом?

– Уже скоро. Самое позднее – к завтрашнему полудню.

Мисс Дьюли одобрительно кивнула и направилась к следующей работнице, чтобы дать совет, успокоить, осадить тех, кто работает слишком торопливо, или подбодрить тех, кто медлит.

Энн вернулась к своим пяльцам и трудилась до самого перерыва на чай. Встав со стула одной из последних, она заметила, что Мириам все еще склоняется над вышивкой.

– Тебе нужно отвлечься. Пойдем со мной вниз. Несколько минут вне мастерской нам не повредят.

Мириам оглянулась по сторонам и поняла, что они остались в комнате одни.

– Ой, прости. Я даже не заметила...

– Верный признак увлеченной вышивальщицы. Пойдем, иначе до нас даже очередь в столовой не дойдет, а мисс Дьюли уже будет звать обратно.

Взяв по чашке чая, они уселись за столик в тихом углу. Энн завела разговор:

– Когда я начинала, столовой не было. Я приносила с собой чай во фляге. Утром еще куда ни шло, а к обеду он совсем остывал.

– Где же вы отдыхали? Прямо в мастерских?

– Боже упаси! В гардеробной, сидя между пальто и грязными ботинками. Все лучше, чем за работой.

Мириам улыбалась застенчиво, немного неуверенно, и Энн вдруг пожалела, что не потрудилась лучше узнать свою собеседницу. Они впервые разговаривали не о работе, хотя Мириам здесь уже больше двух месяцев.

– Сколько ты здесь работаешь? Я имею в виду, у Хартнелла.

Как знать, может, Мириам не так уж застенчива. Может, ей нужны лишь спокойная обстановка и человек, готовый ее выслушать.

– Самой не верится – одиннадцать лет! Как будто вечность! Я пошла подмастерьем сразу после школы. Едва могла заправить нитку в иглу. Первое время подметала пол и бегала по поручениям. Потом мне разрешили сортировать и подсчитывать бусины и бисер. Лишь через несколько месяцев мисс Дьюли позволила мне пришить первую блестку к платью.

– Зато ты всему научилась.

– Это правда. Понемногу научилась.

– И все это время ты работала только здесь?

– Все время. – Энн кивнула. – Даже в войну, когда нам не разрешали делать вышивки для продажи в Англии. Действовали правила строгой экономии. Впрочем, мы продолжали шить для заграничных покупателей, в основном для американок, да и от королевской семьи поступали кое-какие заказы. А еще мы много работали для лондонских театров. Спектакли продолжали ставить – полагаю, хотели поднять моральный дух. А ты... Тебе удалось сохранить работу во время войны?

Легкая улыбка покинула лицо Мириам. Потупившись, она не отрывала глаз от нетронутой чашки чая.

– Да. Во время оккупации ходили слухи, что немцы намерены закрыть дома моды и перевезти в Германию, но модельеры убедили их оставить все как есть.

– Помнится, я читала об этом. Как нацисты приходили на показы мод со своими женами и, ну, своими...

– Любовницами.

– Да. И как они носили одежду по последней моде, пока французский народ голодал.

– Это правда. Так и было. Причем большинство женщин на *défilés* были француженками. Представляешь? Богачи остались богатыми. Тем, кто принял правила игры, ничто не грозило.

– Ужасно! Шить одежду для врагов.

– Да, но я благодарна за это. Я имею в виду, за работу. Она сохранила мне жизнь.

– Конечно, – поспешно согласилась Энн. – На твоём месте я бы сделала так же. Нам повезло, Англию не оккупировали. Не пришлось жить под контролем нацистов, как вам.

– Зато вы пережили бомбежки. Пока я не приехала сюда и не увидела следы от снарядов, я не понимала, что это такое. Я понятия не имела, какие потери вы понесли.

– Да, пришлось тяжело. Но мне грех жаловаться, зная, что выпало на твою долю.

Энн хотела поддержать Мириам, проявить сочувствие. Однако ее слова, казалось, ударили по собеседнице как пощечина. Краска сошла с лица Мириам, а руки, вцепившиеся в чашку, задрожали.

Энн потянулась через стол и коснулась руки Мириам. Всего на миг. Она не хотела испугать Мириам или сделать еще хуже. Как себя вести, видя чье-то большое горе?

– Мне очень жаль, – проговорила Энн, – очень жаль. Я не хотела тебя расстроить.

Мириам покачала головой и попыталась выдавить из себя улыбку.

– Ничего...

– Я лишь хотела сказать, что нам не пришлось проходить через самое страшное. Помню, в первый год войны я была постоянно напугана и едва могла спать по ночам. Все обсуждали только одно: Франция пала, мы следующие. Мол, это лишь вопрос времени.

– Иногда я просыпаюсь, – начала Мириам так тихо, что Энн пришлось наклониться вперед. Другие девушки болтали во весь голос. – Я просыпаюсь, и бывает момент, когда все вокруг, – она взмахнула рукой, – будто не отчетливо...

– Смутно?

– Да, вот нужное слово. Смутно. Бывает, на минуту мои воспоминания кажутся плохим сном, и я словно бы очнулась от него. А потом я открываю глаза и просыпаюсь по-настоящему. И тогда понимаю, что это был не сон.

– Мне очень жаль, – беспомощно прошептала Энн. Что еще она могла сказать? – Но здесь тебе легче? Тебе нравится в Англии?

– Да. – Мириам кивнула. – Поначалу я сомневалась. Зимой стояли морозы. И все-таки мне здесь нравится.

– Помню, в день нашего знакомства ты сказала, что едешь в Илинг. Ты до сих пор там живешь?

– Да, в маленьком пансионе. Хотя хорошего там мало. Местная консьержка...

– Владелица пансиона?

– Да, она не очень любезна. Вчера она пожаловалась, что не понимает меня. Сказала, что пережила войну не для того, чтобы слушать, как всякие чужаки лопочут свои... как же она выразилась? свои мумбы-юмбы. – Мириам поморщилась, как будто почувствовав неприятный запах.

– Ох, Мириам, какой ужас! Я прошу прощения.

– Не извиняйся, ты тут ни при чем. Все девушки, которые работают у Хартнелла, мне очень нравятся.

– Однако в пансионе тебе оставаться нельзя. – Тут в голову Энн пришла идея. Почему она раньше об этом не подумала? – Послушай, а ты не хотела бы, – начала она, слегка волнуясь, – не хотела бы ты поселиться в моем доме? Много лет я жила со своей невесткой, но в прошлом месяце она эмигрировала в Канаду.

– Ты приглашаешь меня переехать в твой дом? – Мириам смутилась.

– Почему бы и нет? – И Энн добавила, чтобы разрядить обстановку: – За тобой ведь не водятся странных привычек? Ты не поешь арии на кухне? Не ходишь по ночам?

– Нет, – хихикнув, ответила Мириам. – Уверю, ты меня почти не заметишь.

– Туда довольно долго ехать, – призналась Энн, – зато в нашем распоряжении целый дом и небольшой садик. Обещай, что ты хотя бы приедешь посмотреть. У тебя есть планы на вечер? Нет? Тогда давай поедem посмотреть дом. Думаю, тебе понравится. Только представь, как приятно будет расстаться с той грубой консьержкой.

– Да, было бы... А как с оплатой? – с тревогой спохватилась Мириам.

– Я собиралась просить пятнадцать шиллингов в неделю. Половина моей ренты. Сможешь столько платить?

– Смогу наверняка.

– Как хорошо! Я спрашивала других девушек, когда Милли решила уехать, но все предпочитают жить в Лондоне. Знаешь, я ведь сегодня даже хотела подать объявление в газету. Какая удача! Просто гора с плеч!

Девушки потянулись обратно в мастерскую.

– Нам пора, – сказала Энн. Дождавшись, пока Мириам допьет свой чай, она с легким сердцем пошла с новой подругой вверх по лестнице, чтобы вновь сесть за вышивку.

– 8 –

Мириам

Когда Энн сказала, что до Баркинга нужно долго ехать, Мириам приготовилась провести в поездах несколько часов и затем еще столько же идти пешком по пыльному сельскому бездорожью. Реальность оказалась гораздо менее пугающей: сначала девять остановок на подземке, как Мириам уже научилась называть лондонское метро, а потом краткая прогулка до станции в Майл-Энд, чтобы сесть в пригородный поезд, идущий на восток.

– Пока в прошлом году не открыли Центральную линию, я ходила до станции Оксфорд-Серкус и садилась в поезд до Чаринг-Кросс, – рассказала Энн, когда они вошли в вагон. – На платформе всегда было столько людей, что порой я ждала больше получаса, пока удавалось сесть. Теперь стало проще.

– Сколько нам ехать?

– Отсюда, я бы сказала, минут двадцать. Всего получается около часа. Надеюсь, тебя это не пугает.

– Нет, один час не пугает. Поезд до Илинга часто задерживается, а иногда подолгу стоит без причины. По крайней мере, здесь можно полюбоваться видом из окна.

К тому же это путешествие совсем не походило на то, когда Мириам этапировали в Равенсбрюк. Ехали стоя, и к концу пути она уже не помнила себя от страха, голода и жажды. Потом женщина рядом с Мириам упала в обморок, и охранник с каменным лицом выстрелил ей в голову, сказав, чтобы остальные не вздумали доставлять ему подобные неудобства.

Она отогнала воспоминание. Энн снова заговорила, и надо сосредоточиться на ее словах.

– ...не такие уж красивые виды. Задние дворы, ящики для угля – вот и все. Вот когда я была маленькой...

– Ну? – подбодрила Мириам.

– Знаешь, тогда Баркинг был настоящим городом, Лондон не подступал так близко, как сейчас. Иногда в воскресный день мы с мамой, папой и Фрэнком гуляли по деревне и переходили от одной фермы к другой. Где-то можно было купить пинту свежего молока, а ближе к осени продавали кувшины с сидром. Я очень любила эти прогулки. Увы, теперь ферм почти не стало, как и всей моей семьи. Я целую вечность не гуляла по дороге, не вымощенной брусчаткой.

– Понимаю. У меня тоже порой появляется такое чувство.

– А где ты выросла? – спросила Энн. – В Париже?

Мириам разрешила себе ответить. Нет ничего плохого в том, чтобы рассказать о своем вполне обычном детстве.

– Нет, в пригороде, в местечке под названием Коломб. Когда-то считалось, что городок очень далеко от Парижа. Как и твой Баркинг от Лондона. Однако города растут, и теперь все окрестные поля застроены домами.

– Твоя семья все еще там? В Коломбе? Прости, я не могу произнести название так изящно, как ты.

– Нет, они погибли во время войны, – не дрогнув, сказала Мириам. В конце концов, это правда. – А твоя семья?

– Родители умерли еще до войны. Отца не стало, когда я была маленькой, а мамы – когда мне было семнадцать. А потом мой брат Фрэнк погиб при «Блице». Милли, уехавшая в Канаду, – его вдова.

– Сочувствую.

– А я сочувствую тебе. Видимо, поэтому ты сюда приехала? Говорят, после потери близких перемена обстановки идет на пользу.

– Да. Наверное. – Мириам отвернулась, делая вид, что смотрит в окно. Сердце бешено колотилось по ребрам. Нормально говорить о войне, о погибшей родне, о решениях, принятых, чтобы выжить... – Тяжело вспоминать, – наконец призналась она.

– Понимаю. Во мне поднимается волна негодования, как только подумаю о Фрэнке. Он не заслужил такую смерть! Кто бы что ни говорил про доблесть, отвагу, самопожертвование. Впрочем, ты и так это знаешь. Твои родные тоже погибли.

У Мириам внутри набухал пузырь боли, поднимаясь выше и выше, подкатывая к самому горлу: попробуй она что-то сказать, даже простое спасибо, у нее вырвался бы горестный крик. Мириам кивнула и вновь уставилась в окно. По счастью, Энн, видимо, все поняла и не настаивала на продолжении беседы.

Вместо этого она вынула из сумки вязанье: нитки были пренеприятного горчичного оттенка. Мириам слишком поздно сообразила, что при виде этого желчного цвета неосознанно скривилась от отвращения. Впрочем, Энн лишь усмехнулась.

– Знаю, ужасно. Моя бабушка не могла похвастать хорошим вкусом. Это был свитер. Носить невозможно, зато нитки хорошие. Ну, не считая цвета.

– Что ты вяжешь?

– Теплые носки-вкладыши. Прошлой зимой у меня были только очень изношенные ботинки, ступни прямо леденели. Пару недель назад я нашла на распродаже новые ботинки, но у них нет подкладки, и я решила связать ее сама. У тебя есть теплые вещи на зиму? Сейчас кажется, до нее далеко, однако теплые деньки простоят недолго. Готовь сани летом.

– У меня есть пальто, пусть и не очень теплое.

– Тогда нужно найти что-то потеплее или связать добротный кардиган, чтобы носить под пальто. У меня есть лишний шарф и перчатки, а шапку мы тебе свяжем. Не волнуйся, не из этих ниток! – Энн засмеялась, показывая на свое вязанье.

– Спасибо.

Поезд подъехал к станции. «Ист-Хам», – гласила вывеска. В Англии очень странные названия городов.

– Почему город называется Баркинг? – спросила Мириам, вдруг заинтересовавшись. – Название как-то связано с барами?

Энн рассмеялась, да так заразительно, что Мириам тоже невольно подхватила смех.

– Вряд ли. По-моему, название произошло от какого-то старинного английского слова, нам рассказывали в школе. Правда, сейчас я уже не могу вспомнить, что это слово значит.

Поезд тронулся. Энн сложила вязание и сунула сумку под мышку.

– Мы почти на месте. Наша станция следующая.

Выдался прекрасный вечер. Когда они шли к дому Энн, вечернее солнце заливало все вокруг нежным розовым светом. В нем даже трущобы выглядели бы уютно. Но городок был красивым: аккуратные домики, чистые окна, опрятные дворы. Кое-где на подоконниках и у дверей стояли ящики с цветами.

– Как называются те цветы, розовые и белые? – спросила Мириам.

– Петунии. Как их называют во Франции?

– Петунии, – ответила Мириам, и они дружно рассмеялись.

– У меня петунии растут в саду, – добавила Энн. – Я там многое выращиваю. Если честно, даже больше, чем стоило бы. Цветам уже становится тесно.

Они свернули с главной улицы. Вдоль дороги тянулись ряды одинаковых домиков: первый этаж из красного кирпича, второй покрыт белой штукатуркой, черепичная крыша, окна с белыми рамами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.